

Хушанг Моради Кермани

Вы же не чужой

Иранская мозаика

Хушанг Моради Кермани

Вы же не чужой

«Садра»

2004

УДК 821.222.1-312.6
ББК 84(5Ирн)-44

Кермани Х.

Вы же не чужой / Х. Кермани — «Садра», 2004 — (Иранская мозаика)

[Этот автобиографический роман известного иранского писателя Хушанга Моради Кермани повествует о детских годах автора. Выхваченные из прошлого эпизоды сплетаются в живое, динамичное полотно, на котором яркими красками, размашистыми мазками рисуются картины повседневной жизни не одного человека, а целого народа. Семья, друзья, односельчане, детские проказы, отнюдь не детские проблемы, большие и маленькие радости и горести – целый калейдоскоп событий, из которых и складывается человеческий путь от первого до последнего вздоха... Для широкого круга читателей.](#)

УДК 821.222.1-312.6
ББК 84(5Ирн)-44

© Кермани Х., 2004
© Садра, 2004

Содержание

О серии	6
От издательства	7
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	14
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	18
Глава 8	19
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	25
Глава 12	27
Глава 13	30
Глава 14	31
Глава 15	33
Глава 16	35
Глава 17	36
Глава 18	37
Глава 19	39
Глава 19 (окончание)	40
Глава 20	41
Глава 21	45
Глава 22	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Хушанг Моради Кермани

Вы же не чужой

© ООО «Садра», 2015

О серии

Иран. Одна из самых загадочных стран земного шара... Какие ассоциации вызывает это название у среднестатистического россиянина? «Иран? Что-то закрытое, за семью замками и, кажется, страшное. Бесправные женщины, фундаменталисты, ядерная программа...» – «Да нет же, Иран, Персия...» – «Ах, Персия... да... ковры, шахские гаремы, сокровища Али-Бабы...»

К сожалению, подавляющее число наших соотечественников черпают информацию об Исламской Республике Иран исключительно из средств массовой информации.

Между тем, вопреки расхожим стереотипам, Иран – это современная, цивилизованная страна с высочайшим уровнем науки и культуры. Страна, подарившая миру величайших поэтов: Омара Хайяма, Хафиза, Фирдоуси, Саади. Страна, запускающая в космос спутники и владеющая нанотехнологиями и мирным атомом. Страна, где женщины пользуются всеми конституционными правами и занимают видные руководящие посты в правительстве и бизнесе. И без преувеличения можно сказать, что мудрые и жизнелюбивые иранцы – самый гостеприимный народ на свете!

Пора бы уже подобрать ключи к «семи замкам» таинственности и недомолвок и распахнуть нет ничего лучше, чем взглянуть на неё изнутри. И в этом, несомненно, первостепенную роль играет художественная литература.

Сейчас у русскоязычных читателей появляется прекрасная возможность окунуться в завораживающий мир иранской действительности.

Издательство «Садра» представляет серию книг «Иранская мозаика». Данная серия будет включать романы современных иранских авторов на самые разные темы: здесь найдутся и бытовые зарисовки, и юмористические рассказы, и политическая сатира, и, конечно же, повествования о любви. Каждая из этих книг подобна яркому, красочному изразцу, украшающему купола роскошных старинных мечетей, а все вместе они, подобно кусочкам мозаики, составляют огромное разноцветное полотно динамичной, многогранной жизни иранского общества. Прочитайте их, проникнитесь духом этой прекрасной, древней и вечно юной страны.

А потом приезжайте в Иран – и вы увидите, что действительность превзойдёт ваши самые радужные ожидания!

Счастливого пути, друзья!

От издательства

«Вы же не чужой!» – так говорят в Иране человеку, которому хотят поведать что-то глубоко сокровенное. «Вы же не чужой, и поэтому у меня нет от вас никаких секретов». Именно так обращается к своему читателю известный иранский писатель Хушанг Моради Кермани. «Вы же не чужой, вы как родной мне, и поэтому я могу рассказать вам историю моей жизни так, как она есть, ничего не утаив и не приукрасив...»

А рассказать ему есть что.

Хушанг Моради Кермани родился в 1945 г. в деревне Сирч в окрестностях Кермана. Тяга к творчеству проявилась у мальчика еще в школьные годы, когда Хушанг сочинял рассказы для своих друзей и даже соорудил во дворе игрушечное «радио», на котором сам был и автором текстов, и приглашенным гостем, и диктором. После окончания школы юноша поступил на курсы драматического искусства в Тегеране, параллельно изучая английский язык и получив сертификат переводчика. Потом была работа на радио Кермана, откуда Хушанг снова переехал в Тегеран – теперь уже навсегда.

К настоящему времени Хушангом Моради написано более 15 книг, некоторые из которых переведены на английский, французский, немецкий, испанский, голландский, арабский, армянский, китайский, корейский, греческий и турецкий языки. Эти книги пользуются неизменным успехом и заслуженной любовью читателей. В 2006 г. Хушангу Моради было присвоено звание заслуженного деятеля культуры Ирана в области литературы для детей и юношества.

Автобиографический роман «Вы же не чужой» повествует о детских годах писателя. Выхваченные из прошлого эпизоды, рассказ о которых ведется от лица мальчика Хушу, любовно сплетаются автором в живое, динамичное полотно, на котором яркими красками, размашистыми мазками рисуются картины повседневной жизни не одного человека, а целого народа. Семья, друзья, односельчане, детские проказы, отнюдь не детские проблемы, большие и маленькие радости и горести – целый калейдоскоп событий, из которых и складывается человеческий путь от первого до последнего вздоха...

Вступите же на этот путь, сделайте по нему первые шаги вместе с маленьким Хушу. Может быть, в этом мальчике из далекой страны вы вдруг узнаете себя?...

Глава 1

Не знаю и не помню – сколько мне лет. Новогоднее утро. Школьники пришли поздравлять моего дядю с Новым годом. Мой дядя Касем – учитель. Он хорошо одевается, статный и высокий. В деревне всего несколько человек, которые носят европейский костюм, у которого пиджак и брюки сшиты из одного и того же материала. Брюки носят с ремнем, а не подвязывают шнурком, как обычно. Дядя преподает в сельской школе, а я сам в школу еще не хожу.

Дядя занимает комнату в конце коридора, в который выходят всего две комнаты. Одна – комната моего отца Казема, которого я еще не видел. Я не помню, чтобы я видел его раньше. Мой отец жандарм и иногда присылает письма, по-моему, из провинции Систан и Белуджистан. В комнате отца с матерью, которая всегда заперта, находятся их вещи, в основном вещи матери. Мне говорят, что в этой комнате хранится приданое матери и что, когда я вырасту, оно достанется мне.

Через щелку в двери этой комнаты, куда я иногда заглядываю, я вижу солнечный луч, который падает сверху на утварь, а также кровать, миску, медный казан с крышкой, медную кастрюлю, большой самовар, бронзовый таз, сверкающий на солнце. Каждый раз, когда устраивают моления в честь шиитских святых, играют свадьбу или справляют похороны, самовар моей матери уносят для гостей.

Утром Нового года школьники приходят к моему дяде поздравить его с праздником. Комната дяди находилась в конце коридора. Одна из дверей его комнаты выходила в коридор, а другая в небольшой сад за домом. В саду росли разные плодовые деревья и кусты: виноград, инжир, персики, нектарины и яблоки. Было там и большое дерево грецкого ореха с плодами в мягкой кожуре.

По вечерам на это дерево слеталась стая ворон, которые галдели там, как на свадьбе или на похоронах, и переругивались. Небо над деревом и его ветви были черными от ворон, и я боялся приблизиться к нему, чтобы вороны не выклевали мне глаза.

Дядя специально выбрал эту комнату, чтобы ходить по дому, не встречаясь с «дорогими» бабушкой и дедушкой. В комнате дяди были ружье, книги, склянки и металлические флаконы с духами. Он очень любил духи, свое ружье и книги. По вечерам дядя часто в одиночестве читал и напевал стихи.

Я потихоньку подходил к его комнате, открывал дверь и заглядывал. Дядя обычно кричал на меня: «Чего пришел? Иди по своим делам, иди играй». Он был прав. Каждый раз, когда я приходил в его комнату, я все переворачивал там вверх дном, листал его книги. Особенно мне нравились книги с картинками, такие как «Сорок попугаев», «Четыре дервиша», «Амир Арслан» и «Шахнаме».

Утром Нового года дядя надевал новый костюм, расчесывал свои длинные и прямые волосы, смачивал их маслом, брился, выливал на себя много духов и садился на почетное место в своей комнате. Ученики приходили поздравить его с Новым годом и выказать почтение.

Они приносили много разных вещей: кто-то приносил жестяную коробочку со свежим инжиром, кто-то – пару куриных яиц, завернутых в тряпочку, либо живого петуха; некоторые приносили гранаты, грецкие орехи или еще что-нибудь.

Я отвечал за приносимых кур и петухов. Ставил большую деревянную корзину на землю вверх дном и помещал туда птиц, которых приносили школьники. Мальчики связывали ноги курам, чтобы те не убежали по дороге. Некоторые приносили цыплят. Я очень гордился тем, что у меня такой дядя. Я стоял около корзины. Мальчики, которые были старше меня, засовывали птиц под корзину. Через щели в корзине я пересчитывал петухов и кур. По моим подсчетам, их было не больше пяти, так как я умел считать только до пяти.

Дядя в это время находился в своей комнате и принимал своих маленьких гостей. Перед ним обычно стояли две тарелки с мелкими сладостями и засахаренными орешками. Ученики сначала целовали руку своего учителя, а затем с опаской, стесняясь, аккуратно клали в рот сладости.

Дядя находился в комнате и не знал, кто из его учеников что принес. Возможно, это для него вообще было неважно. Однако сами школьники хотели показать своему учителю, что они принесли ему в подарок. Они думали, что в школе на уроках, в зависимости от подарка, учитель станет к ним более снисходительным. Особенно на это надеялись те, кто приносил более крупных и упитанных петухов и курочек. Школьники непременно хотели показать свои дары учителю. Поэтому, прежде чем отведать сладостей, они несли свои подарки к дяде, чтобы он их увидел. Затем вновь вручали подарки бабушке либо мне.

По правде говоря, мне все это очень не нравилось, так как эти подарки здорово осложняли мне жизнь. Я должен был идти к дяде с учениками и их подарками, а затем возвращать всех этих кур, петухов, эти яйца, фрукты и прочие подарки на место. И зачем мне нужно было с этими подарками идти в комнату к дяде? Мне еще это не нравилось и потому, что однажды петух вырвался из рук одного из школьников, подлетел к потолку и упал мне на голову. Потом петух удрал, и мы с бабушкой и учениками дяди с трудом его поймали.

Дедушки в этот Новый год не было дома. Может быть, он и был, но я не помню. Возможно, он уезжал в Керман к дядюшке Асадулле, который был военным и его не отпустили со службы, и он не мог приехать в нашу деревню Сирч.

Я пересчитывал петухов и кур, которые сидели под корзиной. Обычно их было пять вместе с несколькими цыплятами. Я как-то посмотрел через щели в корзине внутрь ее и увидел, что один из цыплят трясется и не общается с другими. Цыпленок был очень худой и почти без оперения. Он, видимо, очень страдал, так как его очень рано лишили матери.

Перед дверью дяди лежала гора самой разной ребячьей обуви. Тут была не только новая блестящая обувь, но и старая, грязная и рваная.

Из комнаты дяди доносились голоса:

– С Новым годом, господин учитель.

– Счастья в новом году.

– Вам тоже желаю всего хорошего в новом году. Добро пожаловать.

Я очень хотел, чтобы дядюшка отдал мне курочку или петуха и они были бы моими.

Глава 2

Когда уходят дети, появляется дядя, смотрит, что они ему принесли, и делит подарки. Мне он дает худого полуживого цыпленка, чтобы я его вырастил. Цыпленок еле дышит, и у него на голове рана. Его поклевали петухи и куры. Я прислоняю цыпленка к себе. Он весь горит, не шевелится, кажется, что он потерял сознание.

Бабушка говорит: «Этот цыпленок болен. Не трогай его – сам заразишься».

Я не обращаю внимания на эти слова. Отношу цыпленка на сеновал и устраиваю его там: стелю под него солому, приношу воду и насыпаю зерна.

Я не позволяю ему смешиваться с другими курами и держу его отдельно.

Бабушка недовольно ворчит: «Люди не стесняются давать такихдохлых цыплят детям для подарка учителю». Она знает, кто принес этого полуживого цыпленка. Это Исмаил, который живет в нашей деревне наверху. Его семья не такая уж и бедная. Люди говорят, что он жадина и скорее умрет, чем кому-либо поможет.

Бабушка говорит: «Что делать, дареному коню в зубы не смотрят». Дядя собирается уходить. Бабушка его останавливает: «Куда ты собираешься уходить? Сейчас придет твоя сестра со своим мужем Момсадеком». Дядя опускает голову и уходит. Бабушка недовольно говорит: «Он с детства такой. Расти его, выучи на учителя. А он теперь разважничал, возгордился выше всякой меры». Я иду вслед за дядюшкой, но бабушка приказывает: «Вернись».

Приходит моя тетя со своей маленькой дочкой Махилу на руках, чтобы поздравить нас с Новым годом. На тетюшке Рохсаре красивая цветная накидка и кофта цвета персика. На голове у нее косынка с мелкими красными цветочками. Я целую ей руку и поздравляю с Новым годом. Она обнимает и целует меня. Затем она опускает руку в карман кофты и вынимает сложенный носовой платок, достает из него монетку и дает мне. Тут бабушка замечает на шее у тети темное пятно.

– Что это за пятно у тебя на шее, дорогая моя? Опять вы с мужем подрались, это тебя Момсадек ударил? Боже мой, лучше бы я умерла!

Тетя дотрагивается до пятна на шее и ее глаза наполняются слезами. Она молчит. Ее соседи говорят, что она каждый день бегаёт по двору, кричит и бранит мужа. А он ее ловит и бьет. Каждый раз, когда мы видим тетю, у нее на теле есть синяк.

Бабушка говорит:

– Твой муж не пришел? Опять поссорились. Он дал о себе знать делами.

Бабушка продолжает допытываться. Тетя рассказывает, что же произошло. А дело было так. Приходит к ней в гости Кафтар-ханум, смотрит на ладонь тети и говорит: «Что за времена настали! Все женщины в округе тебе завидуют. Торговля в лавке твоего мужа процветает. Он даже прикупил сад вашего соседа. Боли твои в голове и в боку понемногу пройдут, дети вырастут, выйдут в люди».

Тетя оживляется и приходит в хорошее настроение. Она дает цыганке Кафтар-ханум Кули блюдечко с сахаром и стакан чая. Тут появляется муж моей тети. По знаку моей тети Кафтар-ханум быстро уходит и прячется в хлеву.

Ее бодает корова и выталкивает из хлева. Момсадек набрасывается на тетю со словами: «Ты почему пустила в дом эту бродяжку и воровку?» Кафтар-ханум умоляла Момсадека не бить тетю, потому что она хорошая и угощает чаем с сахаром. Тете опять от него досталось. Он бил и пинал ее ногами.

Чай и сахар, завернутые в бумагу, Момсадек повесил высоко на дереве и ушел. На шее у тети остались синяки от побоев и опухло лицо.

Бабушка сказала: «Чтоб у него руки отсохли. Творить такое накануне Нового года». Тетя вздохнула и спокойно ответила: «Не дай Бог, чтобы такое приключилось под Новый год».

Я беру дочку тети Махину за руку и хочу повести ее гулять в сад. Тетя просит за ней приглядывать, чтобы не упала на землю и чтобы с ней ничего не случилось. Иначе Момсадек задаст мне трепку.

Мы гуляем с Махину по саду. Деревня уже проснулась после зимы. Ручей в саду полон воды, которая переливается через край. Мы рвем голубые цветочки, растущие вдоль ручья, и делаем из них букетики. Вдруг букет выскальзывает из рук Махину и падает в ручей. Я бегу вдоль ручья и ловлю упавший букетик. Когда я возвращаюсь, Махину плачет. Спрашиваю: «Что случилось?» Она показывает на новые ботиночки и носки, которые вымазаны в глине. Я застирываю носки и мою ее обувь. Она совсем маленькая, ей всего два или три годика. Я говорю ей: «Пойдем домой».

Я привожу Махину домой в мокрых носках и ботинках. Муж моей тети сидит напротив бабули и пьет чай. Он опустил голову и нахмурился. Он зовет тетю, которая, испуганная и дрожащая, идет ко мне навстречу и видит плачущую Махину. Спрашивает: «Что случилось?». Затем сильно бьет Махину по лицу. Стирает носки и моет туфли Махину, чтобы не видел муж. Вешает носки на веревку. Я прошу Махину не плакать и говорю: «Вещи высохнут». Затем веду Махину показать цыпленка.

Мой дядя не ладит с мужем тети и не хочет его видеть. Он велел нам ничего не покупать из лавки Момсадека, которая находится около его дома. Дядя ушел к себе в комнату через дверь, которая выходит в сад; не хочет даже случайно встретиться взглядом с мужем своей сестры. Попив чая, муж тети уходит. Мне очень хочется когда-нибудь вместе с бабушкой и дядей побывать в доме моей тетушки.

Я вместе с Махину иду по коридору, и мы заглядываем в комнату дяди. Я очень хочу показать ей книги, ружье, гимнастический коврик и гантели дяди. Когда я вижу дядю, читающего книгу, я беру Махину за руку, иду к тете и говорю, что дядя пришел.

Тетя идет к дяде. Брат с сестрой обнимаются. Тетя плачет, а дядя злится.

Он дает тете две курицы. Бабушка говорит: «Брат с сестрой очень любят друг друга. Они с детства очень хорошо относятся друг к другу». Я тоже хочу, чтобы у меня была сестра и мы бы любили друг друга. Потом я сожалею, что эта мысль пришла мне в голову, и думаю, что если бы у меня была сестра и муж бил бы ее, а я бы расстраивался, то уж лучше мне не иметь сестры. Этой мыслью я успокаиваю себя. Тетя берет за руку Махину, и они уходят домой.

После полудня бабуля отправляется в комнату к дяде, и они о чем-то разговаривают, но я не знаю, о чем. Бабушка что-то говорит дяде, и я слышу его слова: «Какое мое дело. У меня вообще ничего нет. Когда у меня были деньги? Отцу надо было об этом думать. Он не транжирил бы столько и не сорил бы деньгами. Не продал бы сад и землю, чтобы принимать гостей, чтобы кто не попадая ел и пил за его счет и нахваливал бы его. А теперь в праздничные дни он скитается где-то в городе. Я его столько раз умолял давать мне по одному крану в день на учебу. Я был первый ученик в педучилище. Два моих одноклассника сейчас в аспирантуре. Я был не хуже их. А теперь я должен страдать из-за недомыслия моего отца. Я должен страдать из-за брата, из-за отца, из-за сестры. Мой младший брат, когда стал получать зарплату в один кран, женился и стал жить самостоятельно. Моего старшего придурковатого брата не сегодня завтра выгонят со службы в полиции. А мы еще должны заботиться о его ребенке».

Я знал и понимал, что этот ребенок, который не знает ничего о своем отце, я и есть.

Бабуля берет меня за руку и предлагает пойти в Солтан. Солтан – это местное святое место, ниже которого расположено кладбище. Бабушка кладет мне руку на плечо, я крепко обнимаю ее за шею, и мы идем в гору. Бабушка идет согнувшись в три погибели. Она согнулась в поясе. Если я ее отпущу, она упадет на землю лицом вниз. После рождения последнего ребенка, моего младшего дяди, она стала сильно болеть. У бабушки то ли сжались, то ли ослабили позвонки в пояснице, она сгорбилась и теперь ходит, сильно согнувшись. На подъеме бабуля тяжело дышит. Ее горячее дыхание обдает мне шею и руку.

У входа на могилу Солтан Джамал од-Дина, который был хорошим человеком и в честь которого возвели гробницу, мы садимся и смотрим на деревья. Цветут миндаль и айва. Кажется, что деревню накрыло цветущее одеяло. Видны очень высокие тополя. Рядом с самым большим и зеленым деревом в деревне видна стена, окружающая наш сад. Слышен плеск бегущей воды в реке, протекающей через нашу деревню, а также до нас иногда доносится кряканье уток, мычание коров, крики ослов и лай собак.

Деревня лежит в большой долине, окруженной высокими бурыми горами. Селение среди гор выглядит цветущим, зеленым и сонным. По другую сторону над горой виднеется небольшое облачко, напоминающее большую собаку, похожую на нашу собаку Филу. Одно ухо этой белой собаки-облака уносит ветер, и собака остается с одним ухом.

Бабушка покидает могилу святого, и мы идем по кладбищу. Мы идем к могиле моей мамы, где бабушка садится и молится за упокой ее души. Я не умею читать молитвы, я смотрю на маленькие высохшие колючки кустов, через которые пробиваются молодые побеги. Бабушка в тысячный раз рассказывает мне историю женитьбы моего отца и матери: «У твоей матери Фатимы было много потенциальных женихов, так как ее отец был состоятельным человеком. Твоя мать была единственным ребенком в семье. У нее не было ни братьев, ни сестер. Она была молода, красива и на выданье. У нее не было ни отца, ни матери – они умерли. Жила она в Шахдаде. Ее воспитывали тетки. Один из вздыхателей из Самаджа решил ее украсть. Тетки по вечерам привозили ее из Шахдада в Сирч. Однажды привезли ее в наш дом, дом старосты. Они укрылись у нас. Твой дед, староста Сирча, видит, что девушка хорошая и у нее никого нет. Он устраивает помолвку между твоей матерью и отцом, чтобы уладить спор из-за девушки. Когда соискатель ее руки приезжает в Сирч, то узнает, что она уже вышла замуж. Через год рождаешься ты. А через полгода твоя мать заболела и умерла».

Я уже много раз слышал этот рассказ и не хочу снова его слушать. Я поймал кузнечика и держу его в кулаке. Он бьется и пытается освободиться. Кузнечик тычется головой о пальцы и подушечки ладони. Свистит ветер, а я бегаю и бегаю по кладбищу. Кузнечик у меня в кулаке как в клетке.

Глава 3

Вечером приходит дядя Касем. Он уже не хмурится. Он всех приветствует. Бабушка кажется безучастной. Дядя отзывает ее в сторону и кладет ей в руку две ассигнации. Я догадался, что пришли деньги. Зарплата и премия по случаю Нового года поступили с опозданием. Каждый месяц кто-то приезжает в деревню и привозит его зарплату. Я подошел и поцеловал руку дяди, поздравил его с Новым годом. Дядя улыбнулся и вручил мне пять кранов.

В отличие от прежних вечеров, дядя сидел вместе со мной, и мы ужинали. Бабуля приготовила наваристый суп из баранины.

Дядя обычно вставал рано утром и в светлое, и в темное время года. Он делал зарядку и выходил из дома. В это время бабушка совершала намаз. Дядя уходил из дома и гулял вокруг деревни. Он часто совершал такие прогулки. Любил ходить по узким тропинкам вокруг гор. Иногда он поднимался в горы. У него было с собой ружье. Ружье заряжалось с дула. Он насыпал в ствол пороху и забивал старым шомполом пыжи и пули в ствол. Когда он возвращался домой, то приносил подстреленного воробья или куропатку.

Я всегда хотел пойти с ним. Учувя запах его одеколона, я вскакивал с постели. Сладкий запах его одеколона наполнял двор. Услышав скрип открывающейся двери, я быстро вскакивал и выбегал во двор. Дядя с ружьем на плече выходил из калитки. У меня хватало сил поднять себя с кровати. Вообще не было ясно, возьмет он меня с собой или нет.

В утро того дня, когда у дяди появились деньги, я решил, что пойду вслед за дядей. Я так и поступил, хотя он велел мне вернуться. Было прекрасное летнее утро. За мной бежала бабушка и приговаривала: «Хушу, вернись, простудишься». Она дала мне старый вылинявший жакет, чтобы я не простудился.

Какое было прекрасное утро! Пахло весной, дул легкий ветерок, от которого раскачивались молодые зеленые ветки. Воробьи и соловьи шумели и пели на тысячи разных ладов. С неба из-за горы, к которой примыкал сад дяди, лился свет, освещавший всю деревню.

Глава 4

Дядя не любит ходить к нашим родственникам. Он с нами не идет. Бабушка берет меня за руку, и мы идем поздравлять с Новым годом тех, кто поздравил нас. Сначала мы идем к моей тетке по материнской линии Махрадж. Тетя Махрадж часто гадает. Тем, кто приход в ее дом, особенно детям, она повязывает на голову шелковый платок. Через несколько минут она снимает эту повязку. Затем берет платок кончиками пальцев и растягивает его от предплечья до локтя и читает молитву. После этого она отпускает платок, складывает его, как будто в платке что-то есть, и старается его удержать; потом она выносит платок в сад и вытряхивает его. Иногда тетя Махрадж кладет в платок квасцы и кидает в пламя мангала. Тогда с человеком, которому она гадала, в течение года ничего не случится. Даже если он заболит, то потом обязательно выздоровеет. Тетушка Махрадж иногда и мне гадает.

В тех домах, куда мы ходим поздравлять людей с Новым годом, перед нами ставят большой поднос, заранее приготовленный и полный всяких сладостей. На подносе лежат гранаты, изюм, сладкие хлебцы, жареные пирожки с мясом и другие местные сладости и деликатесы. Кроме того, из Кермана привозят разные мелкие сладости и крупные орешки в сахаре.

Поднос ставят перед гостем. Я набрасываюсь на эти сладости, но бабушка гневно меня останавливает: «Хушу, не ешь, это нехорошо». Хозяин дома понимает, в чем дело, и говорит бабушке: «Что ты к нему привязалась, Хавар. Сама не ешь, пусть хоть ребенок поест. Да прости Господь его мать. От его отца есть новости?» Бабушка отвечает: «Нет. Я даже не знаю, где он и что делает. Должен был взять отпуск, да ему не дали. Оставил у меня этого ребенка навечно. Он и не думает, что на ребенка деньги нужны. Вот так». Бабушка говорит и делится своими проблемами. Когда она говорит о моем отце и обо мне, то смотрит на меня искоса и осекается. Понимает, что я начинаю волноваться, и у меня дрожат губы.

Мы идем к тете Рохсаре, у которой бываем очень редко. Ее муж Момсадек меня не любит. Мы только раз в году навещаем тетю. Передо мной новогодний поднос, и я ем всякие сладости. В это время приходит муж тети, который закрыл свою лавку и освободился. Он очень любезен, и моя тетушка довольна. К ней в гости пришел племянник, то есть я. Ничего плохого ни с ней, ни с ее мужем не случится. Муж тети моет руки и лицо в ручье во дворе дома, а она приносит ему полотенце, чтобы вытереться.

Махину спит. Тетя беременна, и у нее большой живот. Просыпается Махину и говорит: «Там в животе у нее ребенок, и через несколько дней он появится на свет». Муж тети принес мясо и дает его ей. Он дает мне два крана в честь Нового года. Мы остаемся у тети на какое-то время. Я очень рад. Я считаю свои деньги. У меня две монеты по пять кранов, четыре по два крана и три по одному крану. Бабушка говорит мне: «Деньги храни. Я закажу у Корбани для тебя кальсоны». Корбани в нашем селе торгует тканью.

Глава 5

Дядя хочет пойти к своему другу г-ну Дехестани. Я иду вслед за ним. Он не обращает на это внимания. Г-н Дехестани – хороший человек. Он живет наверху деревни. Дядя надел красивый костюм, белую рубашку, красиво причесал свои длинные волосы. Вставил авторучку с золотым колпачком в наружный карман пиджака, что свидетельствует о его образованности. Он совсем не такой, как окружающие. По словам бабушки, его очень вознесли в Кермане, а потом выдворили на берега речки Сирч.

Мы проходим мимо деревенской мельницы. Я вижу, что из-за стены выглядывают пять девчонок, чтобы посмотреть на моего дядю. У мельника пять дочерей разного возраста, которые пока не вышли замуж. Девушки перешептываются друг с другом. Большая часть девушек нашей деревни мечтают выйти замуж за моего дядю, потому что он красивый, хорошо одевается и главное – что учитель и регулярно получает в начале месяца зарплату. Но сам дядя не любит нашу деревню и не собирается жениться. Я горжусь тем, что у меня такой дядя.

Однажды одна из девушек деревни бросает под ноги дяде розовый платок. Я его поднимаю, бегу вслед за дядей и говорю: «Дядя, вот платок». Он улыбается, берет платок, вешает его на дерево и идет дальше.

Я говорю себе, что когда вырасту и стану как дядя, я буду поднимать платки каждой девушки, которая бросит его передо мной.

Наступила весна. Поют соловьи. Молодежь влюбляется. Девушки относятся ко мне хорошо – я самый близкий человек к дяде. Иногда девушки дают мне деньги, иногда сухой инжир, изюм и гранаты, чтобы я передал их платок дяде и никому об этом не говорил. Если кто-либо в деревне узнает, что девушка это сделала, она будет несчастна всю жизнь. За глаза ее будут осуждать, и не видать ей счастья. Конечно, были девушки, которые не посылали платков никому, и даже другим дядям. Бабушка хотела, чтобы одна из таких девушек стала женой дяди.

Когда дядя играет на флейте и читает четверостишия, в его стихах всегда присутствует «платок».

– Мой нежный цветик, мой племянник,
Направь свои стопы в мой дом.
Ступи на мой ковер.
Платок любимой дай на память мне.

* * *

Не отдавай моих очей любимой.
Хоть заплакал о ней я все глаза.
Дай мне платок, закрыть мне очи;
Любимой аромат излечит их от боли.

Бабушка каждый день рекомендовала дяде какую-нибудь девушку: «Это хорошая девушка. Я ее знаю и знаю ее отца. У него дом и сад. Девушка серьезная и застенчивая».

Дядя отвечал: «У меня нет желания жениться. Не приставай ко мне, мама». Он вставал и уходил в свою комнату. Громко читал стихи Руми или отрывки из «Шахнаме» Фирдоуси и под

настроение декламировал рассказы о святых мучениках. Все его мысли были об университете и аспирантуре.

Он назвал меня Хушангом. Это имя он взял из «Шахнаме». Местные звали меня Хушу, то есть Маленький Хушанг. Говорят, что мать назвала меня Рахимом. Я был единственным Хушангом в деревне. Всем это имя не нравилось, и люди говорили: «Что это имя Хушанг значит?» Дядя отвечал: «Хушанг значит “умный, сметливый, шустрый”. Это чисто персидское имя». Дедушка замечал при этом, что я мальчик не столько умный, сколько шустрый.

Глава 6

Мы красили яйца к тринадцатому дню нового года, который называется «сиздах бе дар». Мы насыпали разные травы в кастрюлю и варили яйца в отваре из этих трав. Обычно в кастрюлю мы клали шелуху от лука, и тогда скорлупа яйца окрашивалась в желтый или оранжевый цвет. Иногда клали другие травы и, например, красильную марену, и тогда скорлупа окрашивалась в красный цвет.

Бабушка аккуратно обвязывала яйца разноцветными нитками или тонкими полосками ткани; краска не проникала через них, и на яйцах оставался красивый белый рисунок.

Дети, подростки, молодежь и мужчины в день «сиздах бе дар» играли в яйца. Они зажимали крашенные яйца в кулаке так, что выглядывал только носик яйца. Затем били носом яйца по яйцу противника. Выигрывал тот, чье яйцо оставалось целым, и ему доставалось яйцо с расколотой скорлупой. Я не видел, чтобы мой дядя когда-либо играл в эту игру. Обычно рано утром он брал ружье и вместе с г-ном Дахестани направлялся в горы.

Я не умел играть в разбивание яиц, а только смотрел, как играют другие, и наслаждался этим зрелищем. Поэтому я возвращался домой со своими целыми крашеными яйцами. Я боялся играть. Не любил испытывать судьбу: неизвестно – то ли выиграешь, то ли проиграешь.

Глава 7

После новогодних праздников я часто бегал за дядей до школы. Я не мог посещать занятия, так как был еще маленький и меня не принимали в школу.

Я люблю школу. У меня в кармане маленькие пустые флакончики от дядиного одеколona. Каждый раз, когда одеколон заканчивается, дядя отдает флаконы мне для игры. В один из дней я взял еще полный флакон, чтобы показать его школьникам. Флакончик маленький, размером с флакончик для микстуры от кашля. Один из учеников взял у меня флакон и вылил его весь себе на голову. Школа наполнилась запахом сирени.

Ученики побежали и рассказали моему дяде о том, что я принес его одеколон в школу. Больше он меня в школу с собой не брал. Он стал запирает комнату на щеколду, чтобы я не смог оттуда ничего взять.

Помню, как бабушка сварила мне домашнюю лапшу и в ней было много горячего масла. Вспоминаю, что меня частенько били и запирали в кладовке, где был сундук, в котором хранили новое постельное белье. По словам бабушки, в сундуке на белье всегда спали две белые змеи. Она говорила: «Не подходи к сундуку. Змеи выскочат наружу и разделаются с тобой. Змеи – наши соседи. Тело у них белое, как снег». Я всегда боялся кладовки. В ней было темно. Перед входом висела тяжелая занавеска, а за ней дверь, которую бабушка запирает на замок снаружи.

Я чувствую, что в сундуке ворочаются змеи. Кладу руку на крышку сундука и чувствую, как их головы и тела трутся о крышку и стенки. Запор дрожит, я вскрикиваю. Бабушке становится меня жалко, и она выпускает меня из кладовки.

Многие годы меня преследует ночной кошмар со змеями. Каждый раз, когда я плохо себя чувствую или жду дурных вестей, я вижу во сне змей. Мне снится, что змея медленно ползет по ногам вверх. Вижу себя спящим; змея заползает мне на живот, потом на грудь и обвивается вокруг шеи. Сколько я ни кричу, никто не приходит на помощь. Во всех снах я вижу одну и ту же змею: желто-черную, в пятнах, длинную и тонкую.

Глава 8

Летом мой дядя Асадулла, который был военным, взял свою невесту за руку и привез к нам из Кермана. Мы его невесту до тех пор не видели, и она была с нами не знакома. Невесте было лет 14–15, а дяде 22–23 года. Один Бог знает, как мы обрадовались. Бабушка целый месяц готовилась к этому событию, чтобы не ударить в грязь лицом перед невестой.

По приезде они подарили мне желтую рубашку с розовыми цветочками и соловья, в которого надо было наливать воду. Я наливал в соловья воду и дул в дырочку в хвосте игрушки. В животе у соловья была вода, и под напором струи воздуха она издавала звук, похожий больше на чириканье, чем на соловьиную трель. Я не знаю, из чего был сделан этот соловей. Я его пытался хорошо рассмотреть. Он был не из стекла, красного цвета. Когда дуешь в него, то видишь воду, которая бурлит от выдыхаемого воздуха. Они также привезли мне в подарок волчка. Один конец веревки прикреплен к шарикку размером с орех, а другой я привязываю к пальцу и затем шарик отпускаю.

Шарик подпрыгивает в воздухе вверх вниз, бьет меня по руке, опускается вниз к земле, затем вновь возвращается к сжатой в кулаке руке. Так шарик и прыгает между землей и моей рукой.

Асадулла общается со всеми. Берет жену за руку и идет в дом к соседу. Он навещает всех родственников. Утром он в одном месте, вечером в другом. Я тоже хожу с ними. Я знаю деревню как свои пять пальцев. Вечерами я хожу по узким улочкам и под деревьями. Днем собираю яблоки для жены своего дяди. Она готовит из яблок мармелад «фалюде». Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь готовил нечто подобное. Когда я вожу ее через сады и по берегу реки, ее высокие каблукы тонут в грязи и трясине. К краю ее юбки цепляются колючки, трава и мята. Она переживает о том, что ее свадебная одежда и обувь испортятся. Женщины и девушки глазят на нее из-за глиняных дувалов и деревьев, когда она идет по саду.

Куда бы мы ни пришли, нас сажают на самое почетное место. На дяде красивая военная форма. Он не носит гражданской одежды. Из города они привезли нам необычный хлеб. Хлеб очень длинный и весь в дырочках. Я такого раньше никогда не видел. Хлеб называется «каткату», то есть «хлеб с дырочками».

Я очень хочу поехать в Керман и увидеть своими глазами, как этот «каткату» пекут. Зачем в хлебе делать столько дырок? Он мне напоминает дуршлаг. Я думаю, что хлеб раскалывают в дуршлаге и выдавливают тесто через дырочки, чтобы оно выпало наружу, и тогда в нем образуются дырочки. Вместо того, чтобы этот хлеб есть, я беру кусочек и смотрю на окружающих через дырочки.

Цыпленок, которого мне дал дядя, вырос и превратился в курицу. Я смотрю на этого выросшего цыпленка через дырочки в хлебе. Он лапками разгребает землю под жердями, на которых держится виноград, и роет себе ямку. Я также вижу нашу собаку Филу, которая спит, прислонившись к стене хлева, положив голову на лапы.

Дядюшки Касема нет, он уехал в путешествие после окончания занятий в школе.

По этому поводу бабушка говорит: «Он поехал устраиваться в другую школу. Хочет уехать из нашей деревни».

Моего дедушки дома нет. Старостой в деревне теперь Мобашер Мозаффари. Дедушка многие годы был старостой деревни, когда он вернулся из Кермана, то уехал в Пиргейб к косцам.

Дядя соскучился по своему отцу, я тоже соскучился по дедушке. Однажды утром дядя усадил меня перед собой на мула, и мы отправились в Пиргейб к дедушке. Я умолял дядю взять меня. До этого я никогда не покидал свою деревню Сирч. Мы спустились вдоль реки, минуя долины и горы, и добрались до Пиргейба.

В отличие от нашей деревни, Пиргейб находился посреди пустыни. Наша деревня расположена на краю пустыни в живописной местности, через которую протекает река. Мы прибыли в Пиргейб, в маленькую и знойную деревню, в которой всего несколько домов и временных жилищ. Перед домами находится пшеничное поле. У первого встречного жителя деревни мы спрашиваем, где найти Насруллу-хана. Он указывает нам на желтое пшеничное поле, где работают жнецы. Моего дедушку зовут Насрулла-хан. Все его так называют. В молодости он был состоятельным, совершил много славных дел, и к его имени стали добавлять титул «хан». Сейчас дедушка старенький и бедный, но его по-прежнему величают Насрулла-хан.

Дедушка стоит на жатке, на голове у него полотенце. Когда он нас видит, его взгляд теплеет. Мы обнимаемся. Дедушка говорит: «Каким ветром вас занесло в наши края?»

Первое и самое главное, что меня приводит в изумление в Пиргейбе – это огромный тамариск, который как бы вырывается из сердца пустыни. Дерево широко раскинуло свои ветки и покоится на песке пустыни. Это необычайное и удивительное дерево. Оно не такое высокое как тополь в Сирче, а напротив – раскидистое и густое. Я устремляюсь к этому дереву, но дедушка не пускает меня туда. Он говорит: «Не ходи туда. Под деревом много змей, мышей и скорпионов». На ветвях тамариска сидят воробьи. Мне очень хочется заглянуть под дерево, увидеть его ствол и корни. Я же маленький и невысокий. Ветви дерева покоятся на земле, и я могу под ними пролезть, но боюсь. Я смотрю на дерево со стороны, и мне очень хочется залезть под него, но я не решаюсь. Я улучаю момент, когда дедушка и дядя на меня не смотрят, и как мышь проскальзываю под дерево. Какая тут тень! Когда дует ветер, здесь становится прохладно. Дедушка говорит дяде: «Зачем ты взял с собой мальчика? Он будет нам докучать». Потом зовет меня: «Хушу, вылезай».

Не добравшись до ствола дерева, я возвращаюсь. Горячий воздух обжигает мне лицо, словно я стою у раскаленной печки. Моему дяде приносят полотенце. Здесь у всех на голове полотенце или тряпка. Мне тоже дают повязку. Мы смачиваем полотенце и повязку в воде ручья, протекающего за хижинкой, и покрываем голову.

Вода капает на лицо и спину. Не проходит и полчаса, как наши повязки высыхают и становятся сухими, как спички. Жнецы, мужчины и женщины, стар и млад, жнут серпами золотую пшеницу и связывают ее в снопы. Они откладывают снопы в сторону и кладут на них камни, чтобы не унес ветер. Пяти-шестилетние мальчишки босиком, с непокрытой головой двигаются вслед за жницами на этой жарнице. Они собирают упавшие колоски, кладут их в подол рубах и относят на гумно на краю поля. Их называют сборщиками колосков.

Я пытаюсь заговорить с одним из них, но у него даже нет времени ответить мне. Тогда я хватаю его, но он отвечает на языке, которого я не могу понять. Я спрашиваю у дедушки: «Может, мне тоже собирать колоски?» Дедушка отвечает: «Без привычки тебя хватит солнечный удар. Там много всяких тварей. Не дай Бог наступишь на змею, и она тебя укусит. Здешние змеи очень опасны. Их яд сразу же убивает».

Вечером мы сидим на крыше. Небо усыпано большими яркими звездами. Светит луна, небо опустилось на землю. Я думаю, что если я приподнимусь, то ударюсь головой о небо и звезды. Я боюсь, что на меня упадет какая-нибудь звезда. Я прячу голову под простыню. Я спрашиваю у дедушки: «Деда, кто посадил этот тамариск?» Он отвечает мне: «Это дерево само выросло. Дереву трудно выжить в этой безводной пустыне. Местные жители говорят, что однажды добрый и ласковый старец из этих мест был под деревом и вдруг исчез. Этому месту стали поклоняться и назвали его Пиргейб, что значит «исчезнувший старец».

Я поверил рассказу дедушки. Мне захотелось пойти в такое место, где меня никто не увидит и я исчезну. Меня повсюду преследовала мысль, что я состарюсь, пойду под дерево и там исчезну.

Образ огромного дерева, которое будто упало с неба в сердце пустыни, с его ветвями, вцепившимися, словно руки, в песок, засел у меня в голове. Меня преследовал образ этого

необычного дерева с птичьими гнездами, цветными полосками ткани, тряпочками, привязанными для исполнения желаний паломников, с его спутанными густыми ветвями, как у тополя в Сирче, и этот рассказ о старце, который внезапно исчез.

Глава 9

В деревне растет высоченный тополь – самое высокое и самое старое дерево нашего селения. Он растет прямо за нашим домом, за оградой нашего небольшого сада.

Ночами, когда я сплю на крыше дома, передо мной расстилается целый мир – небо, тополь и вселенная. Тополь похож на огромного великана, который колыхается под напором ветра. Он своей вершиной достает до звезд, а основание дерева цепляется за землю.

Я сплю рядом с дедушкой и спрашиваю у него: «Дедушка, кто посадил это дерево?» Он отвечает: «Возможно, наши деды и прадеды».

– А сколько ему лет?

– Не знаю, тысяча лет, две тысячи лет. Сколько себя помню, оно было.

– Почему дерево никто не срубил? Почему оно не засохло?

– Если его срубить, то из его корней пойдет кровь. Если дерево засохнет, исчезнет деревня, все умрут.

Я очень хочу как-то вечером встать под деревом и посмотреть на него снизу. Мне говорят: «Хушу, не ходи вечером под дерево. У дерева вредная тень. Если она упадет на человека, то он сойдет с ума. Всякий, кто вечером стоял под деревом, сходил с ума».

Из долины около деревни доносится вой шакалов и волков, которым вторит вой собак.

Недалеко от нашего дома на краю деревни есть долина. Каждый вечер я слышу, как из долины доносятся женские стоны и плач.

Рассказывают: в деревне жила когда-то плохая женщина, она за глаза всех ругала. Когда она состарилась, то заболела. Все ее тело покрылось волдырями. Волдыри эти лопались и издавали дурной запах. Она стонала от боли, мучилась, но не умирала. Она не могла даже пошевелиться. Жители деревни устали от ее стенаний. Никакие лекарства ей не помогали. Кто-то осмелился закрыть ей лицо платком, завернул в простыню, отнес в долину и оставил там, чтобы людей не беспокоили ее постоянные стоны. Несколько дней ее стоны были слышны, но постепенно стали стихать, и она скончалась.

Этот печальный рассказ сильно на меня подействовал. Я каждую ночь слышал стоны этой женщины.

– Все старики становятся такими? – спрашивал я.

– Нет, в основном, старики хорошие и просто исчезают.

На противоположной стороне деревни расположено место, которое называют «Пирморад». Это место паломничества, за которым находится кладбище. Жители деревни по ту сторону реки хоронят умерших рядом с урочищем Пирморад.

– Кем был Пирморад?

– Пирморад был хорошим стариком, Он был добрый, приветливый и набожный. А потом исчез.

– Хушу, хватит об этом. Дай мне поспать. Сколько ты еще будешь меня спрашивать об этом.

– Дедушка Насрулла! Можно я задам тебе еще один вопросик, а потом поспим.

– А ты когда умрешь? Когда исчезнешь? Ты же добрый и должен исчезнуть.

Дедушка Насрулла не отвечает. Он поворачивается ко мне спиной и засыпает. А я думаю о добрых и набожных стариках. Я вспоминаю первого старика, которого очень люблю. Зовут его Корбаншах. Он странный старик, с длинными седыми волосами, которые доходят ему до пояса. У него длинная седая борода до груди, большие глаза, сжатые губы, опаленное солнцем лицо и высокий лоб. Он носит длинную белую рубаху до пят. Он был худым, ловким и проворным.

Несколько раз он неожиданно появлялся у нас в деревне и напрямик шел в дом моего дедушки Насруллы.

У Корбаншаха была котомка, где лежали разные сладости: финики, инжир, изюм и засахаренные орешки нокль. Он был со всеми вежлив, играл на дудочке, читал стихи и пел. Когда он был в хорошем настроении, вставал и танцевал. Никто не знал, откуда он пришел и куда идет. Он был словно облако, словно герой сказок. Он садился в тени тополя и мы, дети, усаживались вокруг него. Он ходил пешком от деревни к деревне, и везде его принимали как гостя. Все его знали.

Жила в деревне странная женщина по прозвищу Шарике Три Уха. Дом ее располагался у реки. Она надевала на себя все, что попадалась под руку любую одежду и обувь, которую могла на себя натянуть. Для нее было неважно, мужская это одежда или женская. У нее в руках всегда был один башмак либо туфля. Он всегда теряла второй предмет пары обуви, роняла его в воду. Оставшуюся туфлю она надевала и так ходила. Она садилась на берегу речки и подбирала все, что приносила вода: ржавые банки, корзинки, старые кастрюли и пр. Все эти вещи она относилась домой. Мы, мальчишки, собирались стайками и со страхом и любопытством заглядывали внутрь ее дома. Ее дом был полон всякой рухляди, всякой никому не нужной всячины. В этом хламе кишмя кишели кошки. Сама она спала с этими кошками. Если она замечала нас, то брала палку, бегала за нами и ругалась.

Я вспоминаю всех стариков и старушек нашей деревни. Я могу пересчитать их по пальцам: Сеид Абдулла, Хаджи Бег, Коль Хасан, Коль Кабри, Машен Марьям, Сакине Мама.

Я думаю, что мои бабушка и дедушка с самого начала были старенькими, и родились стариками, и однажды они исчезнут, а я останусь один. От этой мысли я начинал плакать. Я всхлипывал под одеялом, и дедушка спрашивал:

– Что с тобой, почему ты плачешь? Спи!

Глава 10

Ко мне пришел сын моего дяди Эбрама Ахмаду, чтобы мы пошли вместе играть. Ахмаду, сын Нану Сакине, мой молочный брат.

Нану Сакине рассказывает мне об этом так: «Твоя мать занемогла. Я пошла к ней. Она вцепилась рукой в мою юбку и просила тебя взять и воспитать, так как боялась, что из-за болезни умрет. Она взяла тебя на руки и отнесла к нам в дом. В это время я кормила молоком свою грудную дочь Фагу и стала кормить и тебя наравне с ней. Я за тобой ухаживала, пеленала и мыла. Была тебе на самом деле как мать».

Большую часть времени я проводил в их доме: играл с Ахмаду и Фагу, которые были моими молочными братом и сестрой, как и два других брата, Махмуд и Мохаммад. Махмуда прозвали красавчиком, так как с раннего детства он был красивым и дедушка стал его так называть. Другого моего молочного брата Мохаммада прозвали Малмалу Он был на 8–9 лет старше меня. Когда я был маленьким, он носил меня на руках. В их доме мне было хорошо. Я вырос вместе с ними.

Я ходил к Ахмаду играть в их сад. Дядя Эбрам был также добрым, хотя он всегда огорчался из-за наших шалостей. Когда он был недоволен, то говорил: «Уходи к себе домой».

Бабушка рассказывала: «Когда твоя мать умерла, тебя кормила молоком не только Сакине, но и другие женщины деревни. Отец брал тебя на руки и ходил по деревне в поисках кормящих матерей. Когда он видел кормящую мать, то просил ее дать тебе хотя бы глоток молока».

Поэтому у меня на каждой улице была мать, хотя в основном меня кормила молоком Сакине. Мы вместе с Ахмаду ходили играть и рвать фрукты в саду, где было много фруктов. Приходит дядя Эбрам, чтобы проверить виноградник. Он поднимает голову, смотрит на виноградные гроздья и понимает, что кто-то их оборвал. На земле он видит отдельные упавшие ягоды. Дядя понимает, что это наша работа. Он берет палку и гоняется за нами, при этом приговаривая:

– Уходи к себе домой, всю душу из меня вытряс.

Он прав. Весь его доход – от этих фруктов и ягод, которые он вынужден продавать, чтобы как-то прожить. Сад и фрукты – это жизнь для дяди Эбрама. Обычно, где бы он ни находился в деревне, если почувствует нужду, то идет в свой сад, роет ямку под деревом, облегчается в нее и присыпает землей, чтобы подкормить деревья, чтобы они лучше плодоносили.

Дядя Эбрам – племянник моего отца. Он высокий, у него большие мозолистые руки и крупное тело. Кожа на ладонях у него плотная и твердая и вся в трещинах от работы лопатой и киркой на земле и в горах. Когда он закуривает, то не боится обжечь ладонь – такая у него толстая и твердая кожа. У дяди самая большая лопата в деревне. Каждый раз, когда я иду в их дом, я вижу эту лопату, которая обычно стоит прислоненной к двери. Я очень пристально рассматриваю лопату, трогаю ее. При этом вспоминаю булаву сказочного богатыря Рустама, о котором мне рассказывал дядя Касем. Булава Рустама огромная: голова, как дом, а рукоять длиной в тополь. Дядя Эбрам приходит к нам домой каждый вечер, чтобы справиться о здоровье дорогого дядюшки и дорогой тетюшки. Покуривая трубку, в разговоре он жалуется на жизнь, на нехватку воды летом и сетует, что его деревья засыхают.

Дядя Эбрам часто садится около дома. Вытряхивает свои широкие черные штаны. Он пыхтит трубкой, выпускает изо рта и носа дым и рассказывает истории про джинов и пери. Рассказывает истории, участником которых был сам. Говорит, что своими глазами видел джинов, демонов, чертей и великанов.

Я смотрю на лицо дяди в свете керосиновой лампы и слушаю истории, которые он рассказывает с большим воодушевлением.

Глава 11

У меня болят зубы, и я плачу. Бабушка роется в большой сумке «мерфему», которая полна сладостей из лекарственных трав. Бабушка находит зерна терьяка, измельчает их и накладывает мне на больной зуб кусочек лекарства. Она говорит:

– Постарайся, чтобы лекарство не попало на верхний зуб. Потерпи, пока лекарство не растворится.

Лекарственный раствор горький. Во рту горечь, но я потерплю. Понемногу боль проходит, у меня кружится голова, и я засыпаю. Шея расслабляется, и смыкаются веки.

На следующий день к бабушке приводят больного из деревни. Это мальчик, которого рвет, и он весь пожелтел. Бабушка кипятит отвар, остужает его и силой вливает его в рот мальчику, который дрожит и еле дышит. Мальчика опять рвет. Его мать растеряна и спрашивает:

– Матушка, его опять рвет, он выздоровеет?

– Как Бог даст. Надо потерпеть. Даст Бог, выздоровеет.

Бабушка высыпает в кастрюлю другое лекарство и кипятит его.

Мне не нравятся бабушкины больные. Они все плачут, стонут и рыдают. Они плохо пахнут, от них часто несет мочой и поносом. А вот запах лечебных трав был очень приятен. Травы всегда кипятили в кастрюле, и от них исходил пар. Это были приятные запахи миндаля, ореха и различных масел.

Миндаль, орехи и прочее толкли в ступе, и бабушка мазала отваром голову, живот, шею и лоб больным.

Прижигания были делом плохим. Бабушка разогревала сухой тампон или костяшку и прикладывала ко лбу детей, чтобы из головы у них вышел дурной дух. Дом оглашался криками детей. Их держали за ноги и за руки, а бабушка прижигала им лоб.

Дети пускали воздух и становились желтыми. У них не было желания играть и бегать. У них текли слюны изо рта. Они стекали двумя струйками на подушку и на грудь. Сколько они ни ели, не наедались. Бабушка давала им грибы. Она знала, какие надо давать грибы. Из домов больных детей ей приносили тазики и горшки, в которые наливали горячую воду. Детей заставляли есть грибы и потом сажали голыми попами в горячую воду. Ребенок кричал, ему жгло тело, и он пытался встать. Мать брала ребенка за плечи, целовала его и успокаивала, чтобы он привык к горячей воде. В это время мать давала ребенку что-нибудь съестное, рассказывала интересные истории, пела местные шуточные песни и стучала по кастрюлям. Мать обычно рассказывала ребенку всякие забавные истории, чтобы его развлечь, пока в таз не падали белые, толстые мертвые глисты. Глисты в желудке и кишках умирали, наевшись грибов, и выходили наружу. Иногда яда в грибах было слишком много, и дети теряли сознание. Тогда бабушка давала им молоко, чтобы их вырвало грибами. После этого им становилось лучше.

В дни поедания грибов в нашем доме было столпотворение. Дети сидели в тазиках и на горшках рядами и слушали интересные истории. Когда у них не хватало терпения, и матери их не видели, они вскакивали со своих горшков и начинали бегать за петухами и курами, а из попы у них свисали белые длинные хвосты.

Когда хмурилось небо, приходила гроза и гремел гром, на мокрой земле и под деревьями появлялись грибы; бабушка шла в сад и собирала грибы, выросшие на корнях деревьев. Она знала, какие грибы нужно собирать. Она определяла это по цвету, размеру и виду грибов.

Я садился и наблюдал за всем этим. Меня самого несколько раз так лечили.

Больных мужчин, женщин и детей свозили и сносили к бабушке со всей нашей деревни, с окрестных деревень, из дальних мест и из-за гор.

Пришло письмо от дядюшки Асадуллы вместе с мешочком сахара и чая. Он писал, что не знает, где Казем. Вроде бы он был болен и хотел вернуться в Сирч к своему сыну.

Бабушка молилась о своих детях и жалела моего отца. Хотя она и говорила: «Никогда ему не удавалось обеспечить себя. Он на нас надеется. Не думает о том, что его ребенка надо кормить и одевать. Так вот бросил его, оставил на милость Господа». Дедушка закуривал папиросу и говорил: «Жена, угомонись. Наступят и для этого нашего сына хорошие времена». Бабушка отвечала: «Ты своими делами нас всех извел. Пустил детей по миру. Все из-за твоих пирушек и показного гостеприимства». Начиналась ссора. То дедушка ругался, то бабушка.

Выхожу из дома на улицу. Иду вслед за Йадуллой, который приходит каждое утро, забирал нашу корову и пасет ее вместе с другими у реки. Йадулла сделал мне свистульку. Он срыгает молодые побеги тростника и аккуратно отделяет их друг от друга – он вынимает из них тонкие листочки. Между листьями образуется пустое пространство. Это похоже на дудочку. Я прикасаюсь губами к кончику этой трубочки, дую в нее, и раздается протяжный звук «ф... г...ф...г...». Мне становится смешно. Я радостно бегу вдоль реки среди трав по грязи, топи, песку и камням.

Глава 12

Из округа Шахдад, где родилась моя мать, нам привозят финики из ее сада. Мягкие желтые финики укладывают в бидон, а сверху кладут листья апельсина и мандарина. Когда из бидона вынимают листья, накрывающие финики, с них капает сок фиников. Я обожаю лизать эти листочки и есть этот сок от фиников. Я так облизываю эти листья, что они истончаются и готовы прорваться. Губы, щеки, кончик носа и даже лоб становятся сладкими и липкими. Вокруг головы и лица кружат и гудят осы. Я боюсь ос, они несколько раз на меня нападали. У нас водятся разные осы: маленькие желтые, большие желто-черные, которых называют «персиковыми». Желтых ос называют «зару» («тощие»). Есть еще другие осы, но я не знаю, как они называются.

Однажды сидела оса «зару» на листочке апельсина, пропитанного виноградным соком. Я очень люблю лизать эти листочки, и однажды не заметил, как слизнул и осу. Оса ужалила меня в язык. Я испугался, открыл рот, и она улетела.

Я бросил апельсиновый листок и стал бегать по двору, кричать и подпрыгивать.

Дедушка, во рту у которого мягкий финик, говорит:

– Хушу, что случилось?

Я не могу говорить. Язык горит, опухает все больше, и я его уже не чувствую. Язык так распух, что я не могу дышать. Прибегает бабушка. Я продолжаю бегать по двору, но уже не кричу, а хриплю. Бабушка и дедушка не знают, что делать. Бабушка причитает:

– Боже, что делать? Господи, только на тебя надежда!

Дедушка говорит:

– Ты же доктор, что нам делать?

Бабушка уходит и приносит молоко. Дедушка берет меня под мышку, открывает мне рот и вливает в меня молоко. Теперь язык не так сильно жжет. Молоко через свободное пространство во рту попадает мне в глотку.

Затем мне дают цветок фиалки, брызгают водой и велят взять в рот. Я беру.

Я мучаюсь два дня, не могу говорить. Дедушка и бабушка вздыхают с облегчением – теперь им не надо отвечать на мои бесконечные назойливые вопросы. Но они переживают за меня. Они дают мне всякое прохладительное, пока боль и опухоль постепенно не проходит, и я, слава Богу, выздоравливаю.

Летом нас донимают осы. Когда ходишь в уборную, то осы кружат сверху и снизу вокруг обнаженных частей тела и жужжат. С опаской делаем или не делаем свои дела и выбегаем наружу. От страха тяжело дышать. Когда мы там сидим и слышим жужжание ос под собой, то душа уходит в пятки. Не осмеливаемся издать звук или пошевелиться. Все думаем, вот сейчас одна их ос захочет нас ужалить и вцепиться в самое неподходящее место. Неудобно будет даже об этом кому-нибудь рассказать. Придется только терпеть боль. Сердце будет обливаться кровью, пока опухоль не пройдет и не полегчает. Поэтому мы быстро натягивали штаны и убегали.

На каждой улице и в каждом переулке старые стены дуванов были полны осиних гнезд, которые мы называли «осиный трон».

Поспели и сладкие фрукты. Поспел виноград, и его гроздья были полны ос. Осы были также и на инжире и персиках, которые мы сушили на крышах домов. Осы во всю пировали.

Одна из проделок нас, мальчишек, состояла в том, чтобы засунуть палку в осиное гнездо и разворошить его. Обозленные осы вылетали наружу и нападали на прохожих. Люди боялись ходить по улицам, а мы смеялись при этом, заблокировав таким образом улицу.

Когда деревенским жителям становилось уже невмоготу от ос и их гнезд, они привязывали по вечерам к палкам тряпки, смоченные бензином, и поджигали их. Затем они шли к осиным гнездам, которые обычно были в щелях старых глиняных стен, окружавших участки.

Осы в то время спали, и сначала охотники на ос расширяли киркой щель, ведущую в гнездо, потом совали туда горящий факел и убегали. Спящие осы не успевали проснуться и выбраться наружу и погибали от огня.

Каждый день мы видели закопченные и развороченные в разных местах стены. Закопченные стены, обгоревшие тряпки и палки говорили о том, что вечером состоялась битва с осами.

У нас, детей, была очень дурная привычка. Если осиное гнездо располагается низко у основания стены, то мы становились и писали на улей, а потом убегали.

Однажды мы собрались группой сверстников, мальчики и девочки, чтобы найти осиное гнездо и пописать в него. Один из нас присел и начал медленно и осторожно расширять вход в осиное гнездо. Неожиданно осы вылетели наружу. Мальчик испугался и хотел убежать, но запутался в своих штанах и упал на землю. Осы впилась ему в попу и в спину, и он начал кричать. Пришла мать и спасла его, а мы убежали. У мальчика раздуло всю спину, и он несколько дней не мог сидеть.

Мать мальчика пришла и пожаловалась моим дедушке и бабушке:

– Этот ребенок отравил нам всю жизнь и каждый день заставляет нас мучиться. Его надо поучить уму разуму.

Дедушка посадил меня в большой пустой глиняный горшок и закрыл его крышкой. Внизу горшка была дырка, и я мог через нее дышать. Горшок с дыркой предназначался для хранения грецких орехов. Осенью собирают орехи, очищают их, и когда они высыхают, то насыпают в этот горшок и снизу затыкают отверстие тряпкой. Когда нам были нужны орехи, мы вынимали тряпку, и орехи высыпались через отверстие в горшке. Мы брали орехов сколько было нужно, и потом опять затыкали тряпкой отверстие.

Я умещаюсь внутри этого горшка и смотрю на мир через отверстие внизу горшка. Отсюда мне видны ноги дедушки и его обувь. Шаркая ногами, он удаляется и закрывает дверь амбара. Становится темно. Через щель в двери я вижу куриц и петухов, которые входят внутрь. Отличная игра. Я начинаю думать о змее, пугаюсь и кричу. Дедушка, который стоит за дверью амбара, возвращается и вынимает меня из горшка.

– Даешь слово, что так больше не будешь делать?

Осень – время сбора грецких орехов. Приходит Машлашу, чтобы залезть на дерево и обтрясти с него орехи. Машлашу – человек худой и ловкий. У него длинная палка. По словам дедушки, он как ворона перелетает с ветки на ветку большого дерева грецкого ореха. Он отыскивает на ветках и под листьями зеленые грецкие орехи, бьет по ним концом палки, и они падают на землю. Орехи падают на траву и в воду ручья перед отверстием внизу стены, через которое вода вытекает в соседский сад. Мы ставим перед отверстием решето или дуршлаг, чтобы ловить уплывающие орехи. Мы собираем орехи отовсюду, куда они упали, складываем в кучу и сверху прикрываем листьями, пока через несколько дней скорлупа не затвердеет.

Осенью отовсюду доносится стук палок по деревьям во время сбора грецких орехов.

Когда орехи обтрясут и соберут, приходит очередь поработать детям. Мы с Ахмаду идем для сбора орехов, которые остались в траве и около ручейков незамеченными. Это называется у нас «пачини» – сбор из-под ног. Мы очищаем орехи от верхней кожуры, и поэтому до конца осени руки у нас черные от пигмента. Мы пересчитываем орехи и продаем их Ходами, который держит лавку по соседству с нами. Он расплачивается с нами деньгами или мучной халвой. Он отрезает кусочки халвы от большого куска в жестяной коробке и кладет на бумажные листочки. Мы облизываем халву. Мы получаем удовольствие от вкуса сладкой халвы, и он остается у нас во рту. У нас много орехов, и я уже не могу их пересчитать, так как умею считать только до 15.

Потом наступает очередь ворон, которые обрывают не замеченные сборщиками орехи, оставшиеся на ветках и под листьями. Вороны собирают эти орехи и уносят в предгорья, где хранят запасы на зиму. Мы отслеживаем путь ворон и где они прячут свои запасы и выкапываем их из земли. Иногда вороны нас обманывают: выроют ямку в одном месте, а орехи пря-

чут в другом. Когда мы разрываем взрыхленную воронами землю, то ничего там не находим. Вороны, которые сидят на деревьях или на камнях, каркают и насмеваются над нами.

Перед нами целый мир, заполненный грецкими орехами и воронами.

Дедушка очищает орехи от кожуры и делит между нами: это Рахсаре, это Абдулле, это Касему, а это Казему, то есть его сыну Хушу.

Дядюшка Касем закрыл дверь своей комнаты. Говорит, он не хочет грецких орехов, и говорит, что свои орехи отдает мне.

Дядюшка Касем уехал от нас в дом своего дяди Голь Али. Голь Али давно умер, а его жена и сын Хосейн живут вместе. Их дом в верхней части деревни прилепился к подножью горы в тихом месте. Дяде нравится дом Голь Али. Он говорит, что там чистая, горная, вкусная вода, не тронутая человеком. Он встает рано утром, делает зарядку, берет свое ружье и идет в горы. Я так хочу пойти вместе с ним! Он и ключи свои унес из дому. Он хочет перебраться из Сирча в другое место учительствовать. Школы уже несколько месяцев как работают, и дядюшка ходит на работу в другую школу, которая в близлежащей деревне. Решено построить школу и в нашей деревне. Я пока не хожу в школу. Я вместе с Ахмаду хожу посмотреть на новую школу. Под ее строительство отвели место ниже кладбища Пир Морад. Прежние школы были не школы, а большие дома с множеством комнат, развалюхи. Через год обещают построить новую школу. Тогда я пойду учиться в новую школу. Мне исполнится полных шесть лет.

Глава 13

Зимой выпало много снега, под тяжестью которого обломились ветки деревьев. Воробьям нечего есть, и они ищут пристанища. Приходит дядюшка, насыпает на большой поднос просо и ставит его во дворе на снег. Голодные воробьи слетаются к подносу с просом. Дядюшка сидит за дверью своей комнаты с ружьем в засаде. Раздается громкий выстрел. Воробьи бьют крыльями и падают вокруг подноса на просо и на землю. Дедушка, дядя и я бежим и собираем подстреленных воробьев. К обеду у нас суп из воробьев. Дедушка сам раньше был охотником и говорит:

– Суп из воробьев – укрепляющее средство.

Бабушка раздраженно заключает:

– Касем, не надо так делать, нехорошо. На вас падет проклятье. Убиваете бессловесных.

Она втихомолку берет просо и овес и сыплет за забор, чтобы этим бессловесным птичкам было что поесть.

Глава 14

Выпала тяжелая зима. Вся деревня Сирч завалена снегом. Я сплю рядом с бабушкой, но вдруг меня будит громкий звук. Бабушка с дедушкой с кем-то ругаются. Я приподнимаюсь и сажусь на постель. При свете керосиновой лампы я вижу мужчину в желтой военной шинели. У него неопрятное небритое лицо, на голове военная фуражка. Он молод, у него выпученные глаза, губы полуоткрыты, и он говорит себе под нос. Он просит о помощи:

– Если я вам не нужен, я уйду.

У него в сумке что-то есть, и он направляет ее на бабушку. Я пугаюсь, снова ложусь в постель и из-под одеяла слушаю, о чем они говорят.

Мужчина громко спрашивает:

– Где мой сын? Что вы с ним сделали?

– Он здесь. Зачем он тебе нужен? Что ты от него хочешь?

Я приподнимаю край одеяла и снова смотрю на незнакомца. Он снимает свои истрепанные, измазанные глиной и грязью ботинки и идет в мою сторону.

Бабушка говорит:

– Не буди его, он спит. Он со сна испугается. Займись им, когда проснется. Тебя не было несколько лет, и он может испугаться.

Мужчина подходит к постели, откидывает одеяло, бросается ко мне и берет на руки. Он прислоняется ко мне головой и плачет. Из рта у него пахнет. Его волосы колют мне щеки и шею. Щеки и шея у меня мокрые от его слез.

Я испуган, дрожу, хочу освободиться от его объятий и не могу.

Дедушка сдавленным голосом говорит:

– Хушу, не бойся. Это твой отец.

Вот так состоялась моя первая встреча с отцом. До этого я его не видел. Даже если и видел, то не помню этого. Вроде бы в детстве, когда я был совсем маленьким, мой отец был вполне в норме. Он брал меня на руки, носил по двору и по деревне, показывал мне рыбок в пруду во дворе нашего дома. Он срывал цветы петунии и давал мне. Но я сам этого ничего не помню. Дедушка сказал:

– Ты не любишь своего сына. Если бы ты любил его, то все эти годы заботился бы о нем.

Отец встал и пошел со мной в уборную, чтобы показать, что он готов попу мне подтирать, чтобы доказать, как он меня любит. Дедушка встал у него на пути и умолял оставить меня в покое.

Отец упрямылся и хотел отвести руку бабушки.

В сумке отца был чай, сахар и коробка с халвой, которые передал дядя Асадулла. Думаю, там был еще и сахарный сироп. Однако отец съел почти все это по дороге, кроме половины коробки халвы, а остальное до дома не донес.

Дедушка с удивлением смотрел на моего отца. У моего отца были особенные глаза и взгляд. Когда он смотрел, у него сильно дрожали зрачки. Он весь согнулся и дрожал от холода.

Дедушка усадил отца у печки. Дрова прогорели, и бабушка бросила в печь новую охапку дров.

«Мой дорогой сынок Казем», – сказала она.

Отец обнял бабушку. Это была грустная ночь. Дедушка снял с отца его старые грязные носки, ноги у отца были красные и опухли.

Бабушка нагрела воды, и отец поставил ноги в теплую воду. Отец снял фуражку, надел ее мне на голову и улыбнулся.

Сильный снег завалил все дороги в горах. Дорога в нашу деревню извивалась в горах змейкой, была очень узкой, и по ней могли пройти только вьючные животные, не больше одного

мула. Мы называли эту горную тропу «Годар». Зимой дорога была непроходима в течение нескольких месяцев, и никто не отваживался по ней ходить.

Дорога была опасная и скользкая. Зимой вдоль дороги рыскали волки, барсы и другие хищники, которые зимой не щадили ни людей, ни ослов, ни мулов. Если зимой кто-то хотел попасть в город, то должен был идти кружным, более длинным путем, где было меньше снега. Эту дорогу называли «Дерахтнеган». Когда бабушка зимой сильно заболела, она даже не могла самостоятельно сидеть на муле, чтобы добраться до Кермана. Дядя Эбрам завернул ее в простыню, взвалил на плечи и отнес по дороге Дерахтнеган в Керман к врачу.

Мой отец пешком пришел по той самой дороге Годар, где были волки и барсы. Нужно быть сумасшедшим, чтобы так бесстрашно, в одиночку, пойти по этой дороге. Он шел целые сутки.

У него в сумке был журнал «Эттелаате хафтеги», который я не мог тогда читать. Я рассматривал фотографии. На одной из фотографий была женщина, похожая на мою мать. Отец сказал мне:

– Вот женщина на этой фотографии выглядит точно как твоя мать.

Отец у меня был грамотным. Не знаю, насколько он был грамотным, но он читал стихи Хафиза и Коран, а также журналы и книги. Дядя Асадулла дал ему в дорогу сахар, чай, сироп и журнал. Среди прочих вещей была бумага, в которой было написано, что Казем «опозорил себя в полицейском управлении, и его уволили. Служил он недолго. Его даже хотели посадить в тюрьму, так как он оскорбил своих начальников».

Дяди Касема не было дома. Он ушел работать в школу в деревню Саадабад, которая находилась рядом с Сирчем.

Глава 15

В нашей деревне не было кофейни, но зато был базар посередине. Около бани и мечети располагалось несколько магазинчиков, мясная лавка и кузница. Это место мы называли базаром. По утрам и вечерам старики сидели рядком перед дверями лавок, беседовали увлеченно обо всем на свете и читали стихи. Там чтецы громко декламировали стихи, которые в основном были религиозного содержания или шуточные; они также устраивали поэтические дуэли. Поэты окрестных деревень высмеивали наших, а они достойно отвечали им и задирали их в своих стихах.

Дедушка по утрам отправлялся к лавке своего племянника Дежанда и садился среди других стариков. Он перебирал четки, курил и беседовал. Дедушка очень красиво говорит. Он говорит такие вещи и читает такие стихи, что все смеются. Его рассказы полны воспоминаний и разных историй. Он так красочно рассказывает о самых незначительных событиях, случившихся в деревне много лет назад, что даже те, кто эти рассказы уже не раз слышал, готовы были слушать их вновь, настолько они интересны и увлекательны. Как говорят, он очень сладкоречив. В то же время он не умеет читать и писать. Когда он рассказывает, мы сидим и буквально смотрим ему в рот. Если дедушка умолкает, кто-нибудь говорит:

– Дядюшка Насрулла, расскажи историю о том, как ты разговаривал с шакалом.

Дедушка перебирает четки и рассказывает, подражая бродячим фокусникам. При этом он пускает в ход все: тело, глаза, руки, ноги, плечи, шею и язык. Его рассказ превращается в спектакль одного актера.

В прошлом у дедушки был шакал, которого он воспитывал. Однажды приехал из Кермана важный господин и вошел в дом деда, который был тогда старостой деревни. Дедушка, который был большим шутником и проказником, спрятал сапоги этого гостя и говорит шакалу: «Пойди, найди и принеси сапоги гостя, которые ты украл». Шакал убегает и приносит в зубах сапоги этого господина. Гость очень удивился, а дедушка и говорит: «Я не только староста для жителей этой деревни, но и старший над шакалами деревни, и все они под моей властью».

Эту нехитрую историю дедушка рассказывает целых два часа, приукрашивая ее на все лады. Когда приходят покупатели, особенно женщины, дедушка садится в угол и курит, пока покупателю не станет стыдно, и он не уберется.

В тот день, когда вернулся его сын Казем, дедушка был не в настроении. Он просидел в раздумье всю ночь, наутро пошел к своему племяннику Дежанду и говорит ему:

– Дорогой, я хочу, чтобы ты написал письмо шахине Ирана.

Я сижу и слушаю, что говорит дедушка. Дедушка говорит, а Дежанд пишет:

«Ваше Высочество, шахиня Ирана!

Докладываю, что мой сын служил в полицейском управлении шахиншахского Ирана. Его сильно нагужали по службе, он заболел, и его выгнали без всякого содержания. У него есть сын, оставшийся без матери. Мой сын с двадцати лет служил верой и правдой трону. Сейчас мой сын и шестилетний внук на моем иждивении, хотя я уже старый и немощный. Я не знаю, что мне делать с сыном и внуком. Я сам нуждаюсь. Прошу Ваше Высочество по возможности выплачивать какие-то деньги не моему сыну, а моему внуку, который остался без кормильца. Он будет всю жизнь молиться за Ваше Высочество и во славу Вашей шахской семьи».

Вечером дедушка рассказал о принце, у которого был жеребенок: «У этого принца, который был человеком хорошим, была мачеха, которая его не любила. Принц очень любил своего жеребенка. Мачеха вознамерилась убить жеребенка. Она притворилась больной и подговорила лекаря, чтобы тот сказал шаху, что лекарство от ее болезни – это печень черной лошади, которая живет во дворце. Шах приказал убить жеребенка принца и накормить шахиню его печенью,

чтобы она выздоровела. Принц понял черный замысел мачехи и говорит: «Я хочу только еще раз проехать верхом на моем коне, а потом вы можете его убить». Шах согласился, и принц вскочил на коня и поскакал. Принц обскакал вокруг замка и опрометью выскочил через ворота наружу. Он ускакал во весь опор, и никто не смог его догнать».

Дедушка рассказывает мне эту историю в течение недели каждый вечер по два часа. Я ухожу на берег реки, сажусь там и придумываю свою историю.

«Принц все скачет и скачет на своем коне. Дворец остается позади, и принц оказывается в пустыне. Он преодолевает пустыню и оказывается в деревушке Сирч. Там он останавливается, чтобы напоить коня. Он вынимает из котомки кусок хлеба и размачивает в воде, чтобы поест. Он видит, что к хлебу приклеилось письмо. Когда он собирался уехать из замка и брал хлеб, то к нему приклеилось письмо. Принц читает его и видит, что оно написано шахине. В письме написано, что отец мальчика сошел с ума, и мальчику нужны деньги. Принц отправляется искать мальчика и находит его у реки внизу деревни. Он видит самого себя. Он сажает мальчика на коня и отвозит к падишаху, которому говорит:

“Отец, этому мальчику надо дать денежное содержание”.

Шах отвечает: “Откуда я возьму деньги для этого мальчика? У меня столько других забот. У нас у самих есть нечего. При этом я еще должен дать деньги этому мальчику. Быстро отведи мальчика к дедушке, пусть он его содержит”.

Принц отвечает падишаху: “Мне этот мальчик нравится. Я продам этого коня тебе. Ты накорми его печенью шахиню, чтобы ее вылечить. За вырученные деньги я буду платить мальчику”. Шах опускает руку в сумку, достает деньги и покупает у принца коня».

– Ты куда, Хушу?

Этот голос дедушки. Когда он видит, что меня нет, он зовет меня. Он сидит у крыльца лавки Дежанда и ведет свой красочный рассказ. Вдруг он замечает, что меня нет и я сижу на берегу реки. Я собрал камни, построил из них дом и сам рассказываю сказку. Когда я ухожу в себя, то ничего вокруг не вижу. Даже камешки, которые я складываю горкой. Руки мои работают, но я ничего не вижу.

Отец ушел в мечеть. Он чаще всего проводит время в мечети. Он умывается перед молитвой и читает намаз. Он так много моет руки и ноги, что даже поранил их. Мы силой уводим его из мечети. Он никого не слушает, кроме меня. Он пропадает на несколько дней в окрестных горах и деревнях. Меня берут, чтобы его вернуть. Когда он слышит мой голос, то возвращается. Дедушка переживает и каждую неделю шлет письма шахине, шаху и премьер-министру. Жители Сирча уже привыкли к проделкам моего отца. Дети собираются вокруг него, когда он поет. У него хороший голос. Иногда он в хорошем настроении поет, танцует и прищелкивает пальцами. Дедушка стыдится поведения моего отца и очень переживает.

Глава 16

У дедушки нет ни гроша за душой. Иногда ему дает денег дядя Казем, но ему их не хватает. Тогда дедушка усаживает меня впереди себя на муле, и мы едем в верхнюю часть деревни к одному из местных богатеев. Дедушка с ним беседует и, не знаю уж почему, получает мешок пшеницы. Мы грузим мешок на мула и привозим домой.

На следующий день отец взваливает мешок пшеницы на спину и относит на мельницу. Я тоже иду с ним. Это бывает в те дни, когда он хорошо себя чувствует. Он читает мне стихи, пританцовывает и напевает: «Пшеницу я молоть иду, там мельника в портках найду».

Бывают дни, когда с ним невозможно разговаривать. У него обостряется болезнь. Он говорит громким голосом сам с собой либо делает такие вещи, за которые становится стыдно. Поэтому дети называют меня «сын сумасшедшего Казема».

Мне нравится наша деревенская водяная мельница. Она отличается от всех прочих мест. Мельница располагается под землей. Там все в белой пудре. На всем лежит слой муки. Кажется, что мельника Али поставили и высыпали на него два мешка муки. Мука у него на голове, на одежде, на бороде и на усах. Видны только черные глаза. Брови и ресницы у него тоже в муке. В мельнице темно, и только луч света пробивается сверху. И этот луч тоже цвета муки. Когда мы входим в мельницу, то поначалу никого и ничего не видим. Слышен только скрип и стон мельничных жерновов. Когда глаза привыкают к темноте, я вижу мужчин и женщин с большими и маленькими мешками пшеницы, ячменя, проса и кукурузы, которые сидят и ждут своей очереди. Я занимаю очередь и погружаюсь в необычную атмосферу мельницы. Мельница похожа на сказки: рассказы о джинах и пери, таинственные звуки, издаваемые мельничными жерновами, треск размалываемых пшеницы и ячменя, суета людей в мучной пыли. Стоящие в очереди люди с мешками собираются вокруг нас и заговаривают с отцом:

- Как дела, дядюшка Казем?
- Неплохо.
- Сына своего привел?
- Что, слепой, что ли? Сам не видишь!
- Может, споешь нам?

Отец приосанивается и начинает петь. Он поет городские народные романсы. Его голос разносится по мельнице. Звук его голоса смешивается с хрипами и скрипом вращающегося мельничного камня, звуками перемалываемых зерен пшеницы и ячменя. Мои глаза уже привыкли к темноте. Я ловлю сочувственные взгляды.

Мельник Али улыбается. Он берет наш мешок и сыплет зерно в воронкообразное отверстие сверху мельничного камня. Я смотрю на зерна пшеницы, которые медленно высыпаются из большой воронки в отверстие в жернове, а из-под него сыплется мука. Я мечтаю о том, чтобы вся пшеница мира была моей, чтобы дедушка не печалился.

Кто-то спрашивает: «Дядя Казем, твой сын ходит в школу?» Я отвечаю: «В этом году я пойду в новую школу».

Какая-то женщина достает из кармана и дает мне горсть изюма. Я прячу его себе в карман. Я ем изюм и иду с отцом. Отец взвалил себе на плечи мешок с мукой и, напевая песни, проходит мимо лавок. Кто-то замечает:

- Видно, сегодня дядюшка Казем в хорошем настроении.

Даже когда отцу лучше, я должен быть рядом с ним. Если меня не будет рядом с ним, то он может с этим мешком муки забрести Бог весть куда, в соседние деревни. Когда я с ним, он спокоен и идет туда, куда я ему скажу. Когда я с отцом, бабушка и дедушка не волнуются. Обычно я иду впереди, и отец следует за мной, спокойный и довольный.

Глава 17

Приходит Сакине, чтобы испечь нам хлеб. Она приходит рано утром. Сакине ставит большой котел на огонь и греет воду. Она хорошо печет хлеб. Дедушка всегда хвалит ее хлеб. Он говорит: «Сакине уже 30 лет печет для нас хлеб». Было время, когда у нас был достаток, и у дедушки в доме бывало много гостей, и его называли не просто Насрулла, а Насрулла-хан. Хлеб пекли каждый день и съедали. Сейчас мы печем хлеб раз в неделю, а в остальное время Сакине ходит по домам и печет хлеб людям. Я никогда не видел ее мужа. У нее есть сын, который пасет нашу корову и других коров.

Бабушка говорит: «Сакине – преданная женщина и нас не бросает».

Сакине говорит мне: «Пойди собери и принеси хворост, я испеку тебе сладкую булочку». Я иду в сад, собираю под деревьями сухие ветки и приношу к очагу. Я складываю хворост около танура – глиняной печи – рядом с полыньей и колючками.

Сакине по пояс наклоняется в танур и прилепляет тесто к стенкам печи. Она вынимает из печи поджаренный горячий хлеб и кладет сверху, чтобы он остыл. Как же хорошо пахнет свежий хлеб! Я стою в стороне и наблюдаю. Некоторые куски теста не прикрепляются хорошо к стенкам печи и падают в огонь. Сакине расстраивается и выговаривает мне: «Сколько раз тебе говорила – не стой рядом с тануром! Когда мальчишки стоят рядом с печью, то хлеб не получается». Говоря о мальчишках, она имеет в виду меня, и то, что хлеб не получается, означает, что тесто не прилипает к стенкам печи и падает на угли в пепел.

– Почему мальчишки мешают печь хлеб? – спрашиваю я.

Сакине отвечает: «Когда земля дрожит под ногами, то хлеб не прилипает к стенкам печи и падает в огонь». Возможно, она так говорила, потому что я брал хлеб, рвал на куски и съедал. Сколько я ни ел, не наедался. Сакине испекла мне булочку, дала и говорит: «А теперь иди по своим делам!»

Двух кусочков булочки мне мало, и я возвращаюсь и говорю:

– Дай мне еще одну булочку, иначе я буду трясти низ, и хлеб упадет в огонь.

Сакине поднимает одну из сухих веток, которые я принес, начинает бегать за мной и кричит: «Бабушка! Не пускайте Хушу к печи! Хлеб не пропекается».

Бабушка говорит мне: «Нечего мальчику делать у танура!»

Вероятно, Сакине и вправду верит, что мальчикам и мужчинам не надо подходить к печи. Печь хлеб должны женщины и девочки. Когда Сакине пекла хлеб, я и наша собака Филу стояли в сторонке и смотрели на хлеб. Собака ждала кусков теста, упавших в огонь, а я угрожал, что если мне не дадут хлеба, то я буду трясти землю у печи.

Глава 18

У моей бабушки двое больных: больны мальчик и его мать. Мальчик без сознания и стонет. Мать, на которой лица нет, умоляет бабушку помочь. Она кладет завернутого в тряпки ребенка перед бабушкой и говорит:

– Умоляю! Спаси моего ребенка, вылечи его.

– Ты сама больна, по тебе видно.

– Мне не до себя. Ребенок умирает.

Бабушка варит в котле снадобье. Она еле ходит, но готовит лекарство: толчет в ступе миндаль, чтобы получить масло. Жмых от миндального ореха очень вкусный. Когда из миндаля выжимают масло, мне отдают жмых, и я его ем.

Жмых от грецкого ореха невкусный; он немного горький, но я привык.

Бабушка к этому всему привыкла: к больным, их стонам и мольбам.

У этой самой Сакине, жены Эбрама, на моих глазах умерли пять детей. Когда ее дети заболели, она, испуганная, прибежала и клала детей перед бабушкой.

– Тетушка, делай, что хочешь, может быть, хоть этот ребенок останется жить.

Потом она шла на могилу святого, садилась, плакала и молилась.

Однажды бабушка спасла жизнь Али Плова. Кто-то в Кермане сказал этому Али, что он «деревенский нищий». Он ответил: «Я не нищий. Каждый год, каждый год вечерами по праздникам я ем плов». Слух об этом дошел до людей, и стали его с тех пор называть Али Плов. Он был трудяга, собирал в поле колючки, взваливал себе на спину, приносил в деревню и продавал людям. Зимой, когда было очень холодно и снег покрывал землю, у Али Плова не было никакой работы.

Зовет его однажды Насрулла-хан, показывает нашего околевшего буйвола и говорит:

– Али Плов, вырой яму и закопай тушу, чтобы не пахло здесь.

Али Плов снимает с туши кожу так, чтобы дедушка не видел, и относит шкуру к себе в дом, который находился на берегу реки под высокой чинарой. Саму тушу Али бросил в яму.

Ночью он разрезал кожу на куски и поджарил на огне. Затем он съел эту полусырую шкуру. До утра он от голода съел половину шкуры. На следующий день у него разболелся живот, и его скрючило. Привели его к бабушке, чтобы она его вылечила. Она потом рассказывала:

– У него раздулся живот и стал как барабан. Вот-вот взорвется. Он, как змея, извивался, бился головой об землю. От боли он впивался руками в землю. У него в желудке скопились куски сырой кожи. Мне было его жаль, но я не знала, как ему помочь. Неожиданно я поняла, что нужно сделать. Я сказала нашему слуге: «Свяжи ему руки и ноги веревкой, чтобы он не дергался».

Дедушка принес большую бутылку касторового масла, и мы начали вливать Али Плову в глотку понемногу касторки. Дедушка принес дробинки из патронов к своему ружью. Мы всыпали Али в горло свинцовые дробинки и снова насильно влили ему в рот касторовое масло. Когда дробь и касторка закончились, то мы начали сильно давить ему на живот. Мы развязали веревки на руках и ногах Али, а слуга подхватил его и поднял на ноги. Дедушка приказал Али идти, но тот ответил, что не может.

– Ты должен идти, давай беги.

Дедушка принес плетку. Я не мог на все это смотреть, и дедушка сказал, чтобы я шел домой.

С Али сняли рубаху и штаны. Его начали хлестать плетью и гонять по двору. Гоняли и гоняли, а он стонал, ревел, звал на помощь, умолял и бегал, бегал по двору. Он подпрыгивал и бил себя по животу. Неприятное зрелище: из него начали выходить куски сырой кожи.

Касторка и дробинки сделали свое дело. По двору разлетались дробинки, касторка и куски кожи. Понемногу он успокоился. В завершение Али упал в саду в углу двора. Его подхватили под мышки, отнесли и положили возле ручья. Он стонал, а затем впал в забытье. Все говорили, что Али Плов умер, но он не умер, на следующий день он совсем выздоровел.

У бабушки в запасе было много рассказов о ее врачевании в деревне.

Глава 19

Я с бабушкой и дедушкой иду в нижнюю деревню на свадьбу. Отца с нами нет. Не знаю, где он. Он уходит и через несколько дней возвращается. Все его знают. У Насруллы-хана такой авторитет, что люди в любом месте накромят его сына. Люди не позволят, чтобы сын Насруллы-хана, бродяга и странник, который поет песни и бродит по горам и долам, слишком страдал.

Когда мы ходим на свадьбы, то бабушка надевает свой красный бархатный пиджак и галоши, которые Асадулла прислал ей из Кермана. Она скручивает низ своих шаровар и надевает сверху носки. На голову она надевает новую белую косынку и закрепляет ее на шее брошью, украшенной двумя зелеными камешками. На голову она надевает свой красно-черный шелковый платок и смотрит на себя в зеркало.

Дедушка надевает новую шляпу и красуется:

– Хавар, идем. Если бы ты не была красивой, я бы на тебе не женился.

Я тоже надеваю рубашку, которую мне привез дедушка из Кермана. Если бы был отец, мы бы его с собой на свадьбу не взяли: он опозорил бы нас.

За день до этого бабушка поставила котел с водой на огонь, усадила меня на камень и поставила передо мной корыто. Она налила горячей воды в корыто и полила мне на руки и на ноги. Я закричал. Бабушка увидела, что я хорошенько обжегся, и плеснула холодной воды. Грубой мешковиной она начала тереть мне руки, ноги, шею и лицо. Я плакал и умолял ее отпустить меня, несчастного. Она терла мне шею и лицо этой грубой мешковиной и верблюжьей шерстью как будто хотела содрать с меня кожу. Каждый раз, когда она меня так мыла, у меня горела кожа на лице и на шее, и я не мог ночью уснуть.

В бане было лучше. Когда кожа в бане нагревалась и размягчалась, ее легко можно было тереть и скоблить. Бабушка с детства брала меня с собой в баню. Я обычно шел или бежал за ней. Когда я стал взрослее, для меня в тазике замачивали катиру и сверху клали куриное яйцо. Все это давали мне, чтобы в бане я мыл голову.

В женской бане было хорошо. Было, что поесть. Женщины приносили в баню сухой инжир, гранаты и другие вкусные вещи. Они давали сладости мне. Когда женщины беседовали или ругались, женщины, у которых были дети одного возраста, усаживали их в углу бани. Мы играли в водоем. Выкладывали из мокрых полотенец круг и получалось подобие бассейна. В бассейн наливали воду и бросали в нее гранаты, как будто это были рыбки.

Я собирал детей вокруг себя. Я показывал им мокрый потолок купола бани. Штукатурка с купола отваливалась кусками, и отвалившиеся места были похожи на какое-либо животное. Я дал название всем этим отвалившимся местам: черепаха, шакал, волк, козел, корова, осел и ослик. О каждом из животных я рассказывал историю. Из рта, с перьев и лап животных капала вода. Пар поднимался вверх, превращался в воду и капал из-под этих животных, словно дождь. Мы подставляли ладони и собирали эту воду.

Мы должны были идти на свадьбу. Бабушка была готова. Ее усадили на мула, и мы пошли. Галоши у нее были большие и еле держались на ее маленьких ногах. Она боялась, что они спадут с ног. Дедушка снял с нее обувь, чтобы не потерялась по дороге, и положил в переметную суму – хурджин.

Глава 19 (окончание)

Свадьба – дело хорошее. Собираются все: родственники и сельчане. Они уважительно относятся к дедушке и бабушке. Их приглашают сесть на почетное место. Мужчины отдельно в одной комнате, а женщины – в другой. Дедушка – само красноречие. Он со всеми шутит, и все смеются. Он шутит с женихом:

– Сказала «да» молодушка, вот и захлопнулась ловушка.

Исмаил, отец жениха, включил радио, чтобы повеселить собравшихся, услышать песни, музыку и добрые пожелания. Он что ни делает, никак не может настроить приемник на музыкальную передачу. По радио передают только речи. Говорят об успехах страны и глупости врагов. Кто-то приносит «музыкальную шкатулку», которую дедушка заводит, и начинает петь женщина. «Музыкальной шкатулкой» называют граммофон. Я сижу напротив «музыкальной шкатулки» и смотрю на маленькую собачку, изображенную сидящей на этикетке пластинки, которая крутится и крутится, а женский голос чирикает и чирикает. Дедушка говорит исполнительнице на пластике: «Готов душу отдать за твой голосок». Собравшиеся смеются. Бабушка неодобрительно на него смотрит. Всегда одно и то же. На людях дедушка шутит и острит. Когда они с бабушкой возвращаются из гостей или гости уже уходят от них, то они начинают ругаться. Бабушка совсем не понимала шуток и прибауток дедушки. Она только говорила мне: «Дедушка был первым, кто привез в Сирч граммофон. Большинство жителей Сирча пришли поглазеть на музыкальную шкатулку. Они из любопытства выглядывали из-за стены вокруг дома, чтобы посмотреть на эту диковинку».

Молодожены вечерами угощали гостей наваристым мясным супом с картошкой, горохом и морковью. Каждому давали по тарелке супа и по одной тарелке на двоих простокваши. Я плачу и требую тарелку простокваши для себя одного. Простокваша из одной из мисок проливается на большой поднос с ручками, куда его ставят для гостей. Дедушка ставит передо мной большой медный поднос, на который пролилась простокваша, и говорит:

– Вот твоя простокваша. Сиди и ешь. Вся она твоя.

Передо мной стоит большой поднос, по которому тонким слоем разлилась простокваша. Все смотрят на меня и смеются. Я не подаю вида, наклоняюсь и слизываю простоквашу с подноса.

Дедушка говорит: «Сын Казема должен показать всем, что он сын сумасшедшего».

Мне стыдно за то, что я делаю. Меня очень обижают слова деда. Теперь меня везде называют «сын Казема». Даже бабушка и дедушка зовут меня «сын Казема». Само имя Казем, которое значит «сдержанный, терпеливый», теперь приобрело какой-то совсем другой смысл. Трудно быть «сыном Казема».

Глава 20

Дедушка собирается поехать в Шахдад. Он хочет продать долю наследства матери, перешедшую моему отцу, и на эти деньги содержать моего отца и меня. У него самого денег нет.

Дедушка берет меня с собой. После полудня мы отправляемся в путь. Дедушка грузит на мула постельные принадлежности и сажает меня впереди. Постель у меня под ногами мягкая, и хотя седло жесткое, но не доставляет мне поначалу неудобства. Обычно на вьючном седле ехать долго трудно и неудобно, и в итоге после многочасовой поездки седло натирает мне бедра и ступни.

Я еду на родину моей матери в ее дом и финиковый сад в Шахдад, расположенный в 45 км от Сирча. Закат застает нас в дороге. По обе стороны от нас горы: высокие, безводные, каменистые, кое-где покрытые песками.

Годами в этих горах шли дожди. В этих местах бывают сели, сильные ливневые дожди. Горы все в дырах, больших и маленьких. Поэтому эти горы называют «изъеденными молью», хотя я не знаю почему: то ли из-за дыр, то ли по какой-то другой причине. Мы недалеко отъехали от Сирча.

– Дедушка, почему эти горы так выглядят? – спрашиваю я.

– Как именно?

– Все в дырах.

– Их называют «изъеденные молью».

– А разве моль ест горы?

– Может быть, и ест.

– Мы едем к моей маме?

– Твоей матери уже нет в живых. Остались только дом и финиковая роща.

– Как случилось, что мама умерла?

– Она заболела. Мы все испробовали, но не смог ли ее вылечить. Тебе было шесть месяцев, когда твоя мать ушла в мир иной. Мы тебя вырастили.

– А почему мама не вышла замуж в этом самом Шахдаде?

– Так, не вышла. Такая ей выпала судьба, стать женой твоего отца. Вот и все. Не спрашивай больше об этом.

Вместе с нами едут несколько человек, среди них г-н Мошрафи. Им всем надоели мои расспросы.

– Насрулла-хан, не разговаривай так много со своим внуком. Мы тоже люди, поговори с нами. Спой что-нибудь. Ты умеешь петь?

Наступила ночь, ночь среди гор, подступающих к дороге с обеих сторон. Горы – черные, с изрезанными вершинами. Я думаю, что горы похожи на зубы огромного великана, который раскрыл пасть, и мы едем внутри этой пасти. Копыта мулов тонут в песке, ударяются о большие и маленькие камни и постукивают. Слышится, как мулы фыркают при ходьбе. Вся дорога – это спуски и подъемы. Вышел месяц. Большие звезды ярко светят. Они рассеялись по всему небу, здесь и там собираются в кучки и цепочки.

Я поднял голову и смотрю на небо. Дедушка поет. Мы едем по долине, в конце которой я приеду к своей маме. Голос дедушки отдается эхом в горах. Он поет:

– Сегодня я считаю звезды. Не приходи ко мне, сегодня я болею. Не приходи ко мне, любовь моя. Сегодня все мои враги меня подстерегают.

У меня заболела шея, потому что я долго смотрел вверх.

– Дедушка, у меня болит шея.

– Не смотри на небо.

Я опускаю голову и смотрю перед собой. Передо мной светлый путь. Я вижу дорогу между ушей мула. Передо мной белые камни в лунном свете.

Понемногу меня укачивает, веки набухают, и меня клонит ко сну. Я стараюсь не заснуть. Дедушка рассказывает интересные, но страшные истории.

– Я как-то один ехал в Шахдад. Была такая же ночь, как сегодня. Было облачно. Я был один. Еду на лошади и вдруг вижу, что какой-то высокий незнакомец едет впереди меня. Он был очень, очень высокий. Я окликнул его: «Кто ты?» Он засмеялся и, подтрунивая надо мной, спросил: «Кто ты?» Эхо разнесло эти слова. Куда бы я ни ехал, он возвращался. Куда бы я ни посмотрел, я видел этого незнакомца. Я навел на него ружье, выстрелил и промахнулся. Может, я и попал, но человек не упал. Я сильно испугался. Я умолял его не беспокоить меня. Мои слова на него не действовали. Что бы я ни говорил, он повторял мои слова. Я пустил коня во весь опор, чтобы его обскакать. Не смог. Он всегда оказывался впереди меня. Я до утра с ним тягался. У меня пересохло во рту, и я не мог дышать. Когда рассвело, я увидел, что край повязки, которая была у меня на голове, отвязался и свис. Он висел прямо у меня перед глазами. Этот край головной повязки и был тем высоким человеком, который везде мерещился мне впереди.

Рассвело. Мы миновали горы и едем через пустыню, где находится Шахдад. Видны уже деревья Шахдада. Шахдад похож на большой сад, затерявшийся в пустыне. По мере продвижения вперед сердце у меня бьется все чаще. Я уже ясно вижу финиковые пальмы. Там родилась моя мама. Сердце бьется все сильнее. Я хочу взлететь и быстрее оказаться в доме и в роще моей матери. Мы подъезжаем к ручью, по обе стороны которого растут финиковые пальмы. Этот ручей – как нить, завязанная вокруг Шахдада. Ручей несет воду в Шахдад. Мне на память приходит бумажный змей. Шахдад, словно большой зеленый бумажный змей, лежит посреди безводной, бескрайней пустыни, а ручей словно нить, связывающая его с землей. Я не могу насмотреться на пальмы, большие и маленькие деревья и апельсины под пальмами. Я раньше часто пробовал финики с родины матери, но никогда до этого не видел финиковых пальм. Я хочу спрыгнуть с мула и дотронуться до стволов пальм. Стволы пальм обрезаны уступами. Дедушка мне не разрешает сойти. Мошрафи из-за нас еле дышит.

– Насрулла-хан, зачем ты взял с собой этого мальчишку? Такой бедовый и непослушный!

Мы едем по улицам Шахдада. Вдоль улиц тянутся высокие потрескавшиеся стены из глиняного кирпича, сверху которых свисают сухие ветки финиковых пальм и колючки. Из-за стен я вижу пальмы, которые я раньше вообще не видел, а также верхушки мандариновых зарослей.

– Дедушка, а где же дом моей мамы? Когда же мы уже приедем?

Мы проезжаем мимо высокой старой крепости из сырцового кирпича. Я очень пристально смотрю на крепость, и у меня начинает болеть шея. Я очень хочу знать, что находится за этими высокими и полуразвалившимися стенами. Я уже готов опять начать задавать свои многочисленные вопросы, но в это время мы останавливаемся около дома.

– Слезай, вот дом твоей матери.

Я готов спрыгнуть с мула на землю, и в это время Мошрафи берет меня под мышки, приподнимает и ставит на землю. Дверь дома полуоткрыта. Я вбегаю во двор и не знаю, куда дальше идти. Я бросаю взгляд на два маленьких глиняных домика и стою в нерешительности посреди двора. Словно я жду, что мама появится из одного из этих домиков, и я брошусь в ее объятия. Но вместо этого я слышу старческий голос.

– Кто ты, что ты хочешь, мальчик?

Из сада перед двором выходит маленький старичок в войлочной шапке и с серпом в руках.

– Я Хушу, сын Фатимы.

Старичок молчит, смотрит на меня и медленно говорит:

– Да простит Бог грехи Фатимы. Ты память о ней. Как ты вырос!

С улицы доносятся голоса дедушки и Мошрафи, которые разговаривают и прощаются. Я бегу к пальмам и обнимаю дерево. Твердый, плотный и грубый ствол пальмы превращается в объятия мамы. Я прислоняюсь лицом к толстому стволу финиковой пальмы. У меня короткие руки, и я не могу полностью обхватить ствол. Я кручусь и кручусь вокруг пальмы, целую ее, поднимаю голову и смотрю на ветки и листья дерева. Чувствуется легкое дуновение ветра, который раскачивает ветки пальмы. Мне кажется, что ветер развеивает волосы моей матери. Темно-рыжий воробей чирикает и щелкает и перелетает с ветки на ветку.

Мне представляется, что мама разговаривает со мной соловьиным языком. На ветках пальмы сухие, прилепившиеся к листьям финики. Я хочу взобраться на пальму. На пальме есть ступени, образовавшиеся от срезанных веток. Я снимаю обувь и с трудом поднимаюсь на несколько ступеней.

Раздается голос дедушки:

– Не лезь, упадешь!

Старичок спрашивает:

– Почему этот мальчик так делает?

– Он сын Казема.

Все знают Казема и его сына. Я не могу подняться выше, но хочется залезть и дотянуться до фиников и соловья. Дедушка берет меня под мышки и снимает с дерева. Я сижу на траве под пальмой и слушаю шум верхушек деревьев, растрепанных, словно волосы; слушаю шум листьев пальмы и пение соловья. Старик готовит мне чай. Он стелет циновку и коврик во дворе. Дедушка сидит на матрасе и опирается на подушку. Он закуривает папиросу. Старик насыпает траву мулу. Дедушка смотрит на меня. Я не могу забыть пальму и соловья.

Темно-рыжих соловьев, живущих в финиковых рощах, называют «щелкающие соловьи».

Старик приносит на тарелке финики. Дедушка зовет меня:

– Хушу, иди, поешь финики твоей матери.

Я не иду. Я уже сам нашел финик под деревом. Я сдуваю с него пыль и кладу в рот. Какой он сладкий! Похоже на поцелуй матери. Финик тает у меня во рту.

За домом моей матери расположен сад, который отошел в наследство моему отцу. Мой дедушка хочет продать этот сад некоему Зугани.

Я этого Зугани знаю. Он летом приезжал в Сирч. В траурные дни Ашуры, проводимые в честь имама Хусейна, Зугани играет роль мученика Абу Фазля во время религиозной мистерии. Глаза у него светятся, и у него желтая борода. Когда Шомар, роль которого играет кузнец Мохаммад Хосейн, отрубает Абу Фазлю руку во время спектакля, зрители, мужчины и женщины, вскрикивают от ужаса и рыдают. Я смотрю на Зугани и его невредимую руку, которую ему вроде бы отрубили.

Мы идем по саду за домом. Я вижу несколько невысоких финиковых пальм, одного роста со мной. Я могу дотронуться рукой до их веток и листьев. Я говорю себе: «Эти деревья – символ детства моей матери».

Тети моей матери обнимают меня и целуют. У матери не было сестер и братьев. Вместо них у нее были тети. Когда тети моей матери бывают со мной наедине, они плохо отзываются о семье моего отца.

– Они убили твою мать. Били ее, когда она была больна. Не отвезли ее к доктору, чтобы она умерла. Силой выдали замуж за Казема, который был придурковатый и неумеха, и никто не хотел идти за него замуж.

Я не мог поверить тому, что они говорили. Бабушка говаривала: «Мы сделали для твоей матери все, что могли. Она была не жилец на этом свете».

Мы пробьли в Шахдаде два дня. На второй день после обеда мы собрали свои вещи и отправились в обратный путь в Сирч.

Я сидел на муле впереди дедушки. За спиной остался Шахдад. Дедушка был широк в плечах, и как я ни вертел головой, из-за его спины я не мог видеть исчезающий из вида Шахдад. Передо мной были высокие пустынные горы, возвышавшиеся на краю пустыни. Над горами были облака. Я с трудом поворачивал голову и видел из-под руки дедушки, как мы удалялись от Шахдада и покидали финиковую рощу моей матери. Мы покидали Шахдад, финики из которого я ел каждый год и всегда мечтал увидеть дом и финиковую рощу моей матери.

В хурджине у дедушки были финики, апельсины, мандарины, но мне было не до них. Меня одолевали другие мысли, которые мне внушили в Шахдаде. Раньше мне никто не говорил, что дедушка, бабушка и дядя плохо относились к моей матери, не отвезли ее к врачу в город, когда ей было плохо, и что они нарочно ее убили. Мои тетушки и дядюшки, двоюродные братья и сестры из Шахдада своими рассказами так на меня подействовали, что я стал смотреть другими глазами на моих дедушку и бабушку. Родственники матери настроили меня против них. Они говорили:

– Жители Сирча в основном трусы, драчуны и злодеи.

Дедушка оставил меня с моими родственниками, и они своими речами пытались очернить жителей Сирча.

Я спрашиваю у дедушки:

– Вы убили мою маму, чтобы завладеть ее деньгами, домом и отнять у нее жизнь?

Дедушка начинает злиться. Он догадался, что родственники мамы настроили меня против него. Он нервно бросает:

– Не дури! Родственники твоей матери любят всех ругать и вечно злобствуют.

Мне эти слова дедушки очень не понравились. Когда мы были в Шахдаде, меня все обнимали, плакали от сострадания ко мне. Я был дитя их дочери. Они давали мне апельсины, лимоны и финики, баловали меня. Одна из тетушек моей матери дала мне целых два тумана денег. Я не заметил, чтобы в Шахдаде кто-то с кем-то бранился или кого-то ругал. Как моя бабушка, которая лечила больных, могла не вылечить мою мать, которая, бедняжка, была ее единственной гостьей из Шахдада и женой их сына? А мой дедушка все деньги тратил на прием гостей и не был ни скрягой, ни злодеем.

Наступила ночь, плохая ночь. Мул шел в гору. Его ноги утопали в песке и камне, он фыркал, напрягался и тащил дедушку, меня, хурджин и наши пожитки. Мне чудилось, что родственники отца и матери, жители Сирча и Шахдада, схватили меня за руки и тянут каждый в свою сторону.

Когда дедушка получил деньги от Зугали за сад моей матери, он купил на базаре в Шахдаде шапку с длинной красной кисточкой, которая иногда лезла мне в глаза. Я вспомнил рассказ дедушки о том, как ниточка с его платка свисала у него перед носом, а он думал, что какой-то длинный человек высотой с гору ехал впереди него. Я оторвал ниточку от кисточки и прикрепил перед своими глазами, чтобы тоже увидеть этого высокого человека.

Глава 21

Зендриши, Зенд Борода, говорит дедушке:

– Насрулла-хан, отдай Хушу мне, я его воспитаю.

У Зендриши длинная черно-рыжая борода. При нем всегда длинные желтые и красные четки с боль шими камнями, и он соперничает с другими стариками деревни, с моим дедом и с г-ном Дежанди. У него нет детей. Он состарился и на пенсии. У него два сада – один в Сирче, а другой в Шахдаде. Летом, когда в Шахдаде жарко, он уезжает в Сирч. Он целыми днями сидит у дверей лавки Дежанди и разговаривает с дедушкой и другими стариками.

Вечером дедушка говорит бабушке:

– Зенд хочет взять Хушу себе, воспитывать и отправить в школу.

Дедушка говорит тихо, чтобы мой отец не услышал. Отец спит в углу комнаты, под простыней, и разговаривает громко сам с собой во сне.

Бабушка говорит:

– Он не прав. Мы уж сами, чего бы это нам ни стоило, отправим мальчика в школу. Его дядья помогут мальчику. Да и народ начнет судачить.

Я начинаю думать о собственных садах, доме, будущей жизни и спрашиваю у деда:

– Дед, если я стану сыном Зенда, перейдут ли мне в наследство его сады и дом?

Дедушка в ответ восклицает:

– Этот ребенок уже сейчас думает об имуществе, хозяином которого он станет.

– Я не думаю, что это случится, – говорит бабушка.

Бабушка приготовила суп с помидорами. Я не люблю помидоры. Я обиделся и с утра ушел из дома. Ушел к Зенду Бороде. Он сидел вместе со своей женой Иран-ханум, и они ели гранат:

– Я пришел, чтобы стать вашим сыном. Дома они всегда дают мне помидоры.

Затем я посмотрел на их сад, смерил взглядом его размеры, высоту деревьев, величину дома.

Иран-ханум рассмеялась и говорит:

– Добро пожаловать! Сначала вытри нос, вымой лицо и руки. Мне не нужен сопливый и грязный мальчик.

Я пошел, вымыл руки и лицо и вытер нос.

Иран-ханум поставила передо мной миску с простоквашей и дала кусок хлеба. Она посмотрела на меня и вздохнула.

Я ем простоквашу и смотрю на дверь, стены и обстановку дома и думаю, что это все мое.

После их смерти все достанется мне. Иран-ханум спрашивает:

– Когда ты пойдешь в школу?

– В этом году я иду в школу.

Зенд рубит персиковое дерево. Я рассердился и кричу:

– Что ты делаешь?

Он отвечает: «Дерево это не дает плодов, и его тень мешает расти другим деревьям». Дерево упало, на нем было гнездо.

Глава 22

Открылась новая, только что отстроенная школа. Сегодня первый день работы школы и мой первый день, когда я пошел в школу. В школе четыре класса. Старшие дети и их родители принесли столы, скамейки и другую мебель и вещи из «дома Мансура», где располагалась прежняя школа. Два школьных помещения – это классы. В двух других разместились преподавательская и канцелярия. Двор школы – это не двор, а сама пустыня, полная ям, колючек и камней. С одной стороны школы нет стены, а с другой – глиняная стена сада Машаллы. Большое дерево из сада Машаллы через стену выходит к школе. Инжир уже поспел, и дети рвут его и едят.

Не помню уже, кто записал меня в школу. Думаю, это был дедушка, которого сейчас нет – он уехал в город, к дяде Асадулле.

Старшие дети и их родители с лопатами и кирками работают в саду: они выкапывают большие камни и выносят их на носилках со двора. Небольшие холмики они сравнивают кирками, засыпают землей канавы, выдергивают колючки и выносят наружу. Я знаю всех детей, большинство из них – мои родственники. Всего учеников 35 человек. Это Саадулла, Джелаль, Али Ага Мансури, Ирадж Хушманд, Табахи, Таги-заде, Багер Немати и другие. Нас, учеников первого и второго классов, сначала посадили рядами на землю. Я помню, что потом мы собирали небольшие камни в подол своих рубаш и заполняли ими ров около школы. Мы также выкорчевывали колючки и травы перекасти-поле.

Утром бабушка надела на меня новую рубашку. У меня тетрадь в сорок листов и карандаш. Я боюсь испачкать рубашку. У нас два учителя. Один из них директор. У него в руках указка, и он все время говорит: «Быстро, быстро! Вытащи этот камень! Убери эту кучу земли! Соберите мелкие камни!».

Я впервые увидел волейбольную сетку в этой школе. Мальчишки установили по обе стороны двора школы деревянные столбы и натянули между ними сетку. Вокруг двора школы разбили несколько зеленых участков. Каждый участок отдали под присмотр нескольких детей, чтобы они принесли из дома цветы и маленькие деревья и кусты. Дети должны были принести из дома семена цветов и удобрения. Было решено, что те, чей садик взойдет быстрее всех и будет лучше всех, получат награду.

Мы с Багером Немати получили садик рядом с лестницей, ведущей в классы. У отца Багера Немати был хороший сад, цветы и были удобрения. Отец Багера был хорошим плотником, и он сделал табличку для нашего садика, на которой написал наши имена. Мы установили табличку в нашем саду. Наш садик стал самым лучшим. Я получил первую премию за самый красивый садик в школе. Мне и Багеру перед строем школьников вручили в подарок по карандашу, и дети хлопали в ладоши в нашу честь. Я побежал домой и показал карандаш бабушке. При этом был и мой отец. Когда он увидел карандаш, то забрал его себе. На первой странице моего учебника написано: «Это книга Хушанга Моради». В первом классе моим учителем был г-н Рауфи. Он был простым рабочим в школе, человеком вежливым, знал грамоту и приходил к нам в класс вместо учителя. Он был глуховат, и мы вынуждены были кричать, чтобы он нас слышал.

В тот день отец чувствовал себя хорошо. Каждый раз, когда ему становилось лучше, он хорошо говорил, реже повышал голос, реже разговаривал сам с собой. Он садился на солнышке и читал книгу, старые газеты и журналы, оставленные дядей Касемом. Во время чтения он неожиданно поднимал голову вверх и смотрел на солнце, пока не начинал чихать. После нескольких чиханий ему становилось плохо, и он начинал с кем-то разговаривать. Он разговаривал с кем-то, кого мы не видели, но он видел. Он даже делал в беседе паузы, чтобы услышать то, что говорил его невидимый собеседник. Он отвечал своему собеседнику.

– Казем, с кем ты разговариваешь?

– Ни с кем, ни с кем.

Иногда он ругался со своим собеседником, поднимал руки к небу и ругался, как будто бьет собеседника. «...Это тебя не касается... я хочу... дерьма объелся... ты не прав... не приду... не приду... оставь меня в покое... что ты ко мне привязался... сумасшедший».

Я хотел увидеть того, с кем отец разговаривал и ругался. Я становился у него за спиной и смотрел в ту сторону, куда смотрел и он. Но я никого не видел. Но отец ощущал присутствие собеседника и видел его.

– Папа, кто это был? С кем это ты ругаешься?

– Ни с кем. Иди, играй! Иди, читай свою книгу, делай свои уроки!

Большей частью он с понурой головой приходил на школьный двор, становился около волейбольной сетки и поворачивался лицом к солнцу. Он открывал рот, и казалось, он хотел проглотить солнечный диск. Учитель и ученики смотрели на него через окно.

– Пришел сумасшедший Казем. Учитель, скажите его сыну, чтобы он вывел его со двора. Сейчас он начнет чихать.

Раздавалось громкое чихание отца во дворе школы. Он громко чихает, так что его голос слышен в конце сада Машаллы, у подножья высокой чинары около его двора. Все уже привыкли к его чиханию. Дети в классе считают: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11. Сейчас ему станет плохо.

Я выбегаю из класса и бегу к отцу:

– Отец, пойдем домой. Я хочу учиться. Почему ты мне мешаешь? Здесь же школа.

– Ну и учись себе. Тебе же никто не возбраняет.

Он разговаривает сам с собой и идет к колонке с водой, расположенной рядом во дворе школы. Он все пьет и пьет воду. Ему нечем заняться. Все его дела – это ходить за мной по пятам. Мне стыдно перед учениками, мне стыдно перед учителем. На занятиях я сажусь рядом с дверью и, когда вижу голову отца, без разрешения выбегаю из класса и прошу его уйти домой. Дети называют меня «сын сумасшедшего Казема». Я стал объектом их шуток и проказ. Мне не нравится ходить в школу.

Я выхожу из школы вслед за отцом. Я беру учебник, тетрадь и ручку и выхожу из школы. Я иду и сажусь в дупло большой чинары возле ручья. Внутри дерева темное дупло. Оно словно маленькая комната, покрытая сухими листьями. Я сажусь на листья и наблюдаю за рекой, коровами, овцами и людьми, которые идут по берегу реки или перепрыгивают по камням.

Я смотрю на все это и рисую. Я рисую раков и лягушек. Сколько бы они ни искали меня, они меня не найдут. Бабушка будет волноваться. Дядюшка Эбрам и его дети тоже ищут меня. Наконец меня находит мой старший молочный брат – сын Эбрама Мальмалу. Он взваливает меня на спину и относит домой. Я иду к нему домой и вместе с Ахмадом играю в их саду.

Сад дядюшки Эбрама находился у подножья горы. В нем росли всякие фрукты и ягоды: абрикосы, персики, орехи, виноград и инжир. Инжир в саду созревал раньше, чем в долине у реки.

В саду у Эбрама был хлев для скотины. Я, Ахмаду и Кашангу днем заходили в хлев. Мы брали высокую тростниковую палку и били по потолку и балкам и сбивали летучих мышей. Когда мы били концом палки по стропилам, то летучие мыши падали сквозь темные балки из своих гнезд на землю. Мы нарушали их дневной сон. Они просыпались, бились о стены, двери и вылетали наружу. Там они натыкались на стволы и ветки деревьев и падали на землю. При дневном ярком свете они были слепыми. Мы налетали и хватали их. Мы силой раскрывали их тучные крылья. Какие же они были длинные, эти крылья!

Я смотрю в открытые глаза летучих мышей, которыми они ничего не видят. Я кладу руку им на грудь и слышу, как у них от страха трепещет сердце. Они не шевелятся. Я смотрю на черные жилы у них на крыльях. Летучая мышь – это кусок темного дрожащего и трепещущего мяса. У нее маленькая голова и то ли клюв, то ли рот. Я связываю ей ниткой концы крыльев,

концы веревки привязываю к веткам и вешаю на них летучую мышь. Она начинает биться изо всех сил. Она дрыгает ногами. У нее острые когти. Они царапают мне руки. Когда мышь вцепляется мне в руку, Кашангу кричит: «Хушу, береги голову! Мышь может клюнуть тебя в лицо, в глаза».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.